Annotation

История русского православия — история духовных шевелений в нашем народе, история подавления этих шевелений, история интеллектуальных исканий и парадоксов. Это Крестный Путь, которым шел народ в нравственном, идеальном направлении. Это — тысячелетняя мистерия русского духа, гонимого и страдающего. Для ее описании я не придумываю героев и события. И я соглашаюсь на официальную хронологию, — в основу работы положены клерикальные летописные материалы. Главный источник — монументальный труд митрополита Московского и Коломенского Макария «История Русской Церкви» (1845). Эта многотомная хроника — уникальный по своей полноте материал, собранный со всей возможной скрупулезностью. Воистину — великий подвиг святого отца. Работа охватывает период с древнейших времен до конца царствования Алексея Михайловича. Видимо, писать о безобразиях его сына Петруши у митрополита здоровья не хватило. Он скончался, и Сергей Кравченко будет восполнять нехватку сведений из других, столь же поучительных и почтенных книг.

СЕРГЕЙ КРАВЧЕНКО.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

От автора
Причина внимания к теме

Существует параллельная История России. Это не спекуляция новых хронографов и не мыльная интерпретация племянников дяди Оскара. Эту историю писала Русская Православная Церковь. Письмена эти тем более интересны, что их начертали немногие грамотные люди, получившие азбуку от церкви и возвратившие ей сыновний долг. В этом смысле «гражданские» летописи типа Повести Временных Лет, акцентированные на придворной хронологии, — есть побочный продукт, состряпанный монахами ради хлеба насущного. Писцовый ангажемент.

История русского православия — история духовных шевелений в нашем народе, история подавления этих шевелений, история интеллектуальных исканий и парадоксов. Это Крестный Путь, которым шел народ в нравственном, идеальном направлении. Это — тысячелетняя мистерия русского духа, гонимого и страдающего. Для ее описании я не придумываю героев и события. И я соглашаюсь на официальную хронологию, — в основу работы положены клерикальные летописные материалы. Главный источник — монументальный труд митрополита Московского и Коломенского Макария «История Русской Церкви» (1845). Эта многотомная хроника — уникальный по своей полноте материал, собранный со всей возможной скрупулезностью. Воистину — великий подвиг святого отца. Работа охватывает период с древнейших времен до конца царствования Алексея Михайловича. Видимо, писать о безобразиях его сына Петруши у митрополита здоровья не хватило. Он скончался, и мы будем восполнять нехватку сведений из других, столь же поучительных и почтенных книг.

Что побудило меня заняться околоправославными делами? Я обнаружил, что Макарий изо всех сил старался соблюдать объективность. Нет, например, реальных данных, что Апостол Андрей Первозванный дошел до Киева, так он и пишет, что скорее всего — не

дошел, как бы нам этого ни хотелось. А уж до Валаама дойти точно не мог! Похвальный реализм. Ни малейшего допущения перелета Андрея на архангельских крыльях! Но вот дело доходит до неких событий, известных из мирской истории и не оспариваемых никем. И вдруг теряются факты, блекнут краски, гаснут свечки. Не поднимается рука Летописца описать разоблачительные вещи, невыгодные церкви.

Еще одной причиной внимания к теме явилось нынешнее повальное «воцерковление» бывших атеистов, бандитов, воров, уродов всех политических мастей. Эти граждане опять первыми оказались у алтаря, оттеснив старушек, нищих матерей наших. И Господь не изгнал менял из храма, не брызнул небесным огнем в их поганые хари. Спасибо, хоть Его Визави не устает поливать их свинцом и расплавленной серой. Снова вокруг церкви возникла завеса неприкасаемости, недопустимости простых вопросов. Опять в нашу мораль вставляют потайную дверцу с нарисованным вечным огнем и надписью на табличке: «Не лапать! Длинный нос не совать! Убьет!».

Но мы же с вами не в мастерской папы Карло деланы? И дырка в картинке уже проколота? И пока еще не бьют по затылку за тихое любопытство?

Давайте посмотрим, что случилось со славянским духом, какие чудеса произошли на нашей земле, чего мы боялись, кому молились, во что верили, на что надеялись. Что получили.

Надеюсь, книга послужит отрезвлению читающей публики.

С. Кравченко, Новочеркасск, Россия, 1 декабря 2003 года.

Предисловие
Пять церквей

Православных церквей на Руси раньше было четыре. Первая возникла сама собой. Ее принесли к нам люди, верующие в Христа. Мы не мешали им строить храмы в Ладоге, Новгороде, Киеве. Некоторые из нас тоже становились христианами. Народ смотрел на это искоса, но в прямые драки не лез. Эта Первая, неформальная Русская Православная Церковь (РПЦ) напоминала кружок по интересам без образования юридического лица. Она просуществовала до крещения Руси князем Владимиром Красно Солнышко.

Владимир сделал православие принудительным, крестил Русь поголовно-уголовно. Те, кто не согласился, выжили только в дремучих лесах. Вторая РПЦ Владимира была уже государственной структурой типа правящей партии. Она дотянула почти без перемен до так называемого Раскола, когда в середине 17 века во времена Второй Династии (Романовых) патриарх Никон доказал на бумажках, что мы опять верим неправильно. Сам Никон кончил плохо, но заповедь его царям понравилась и продержалась до прошлого века. Третья РПЦ закончилась с кончиной Второй династии. Ее остатки были уничтожены, схлынули в очень дальнее зарубежье или пережили глубокую хирургическую переориентацию.

Вы уже заметили, дорогие читатели, — у каждой власти — своя церковь.

Третья династия — династия самозванцев — не нуждалась в церкви как таковой. У нее была собственная ритуальность. Но РПЦ не желала оставаться в стороне от наших проблем и стала линять под цвет природы. Четвертая, «обновленческая» церковь досидела на картошке и пшенице в своих подвалах до наших дней.

Теперь мы наблюдаем пятый период. Пока воздержимся от определения того института, который заявляет за собой право пасти нас и спасать наши души. Как его не назови, все получается нехорошо,

обидно как-то. «Либерально-демократическая церковь»... «Рыночная церковь с человеческим лицом»...

Нет, давайте повременим с обобщающей характеристикой. Нам пока мало что понятно. Отставим выводы до последних глав. Важнее разобраться, что это вообще было? Что это такое есть? Зачем оно? С каким знаком оно вписывается в наши скорострельные уравнения?

Впрочем, нужно ли так остро ставить вопрос в начале сказки? Можно потом и не заснуть.

Расслабляемся. Включаем музыку. Звучит Гимн РПЦ.

Нет, не «Боже, царя храни», не «Отче наш», не «Богородица Дева радуйся». С гимном как раз все в порядке. Музыка у нас одна — народного композитора генерала Александрова. Стихи всех Михалковых, в русской земле просиявших:

«Союз нерушимый
Епархий свободных
Сплотила навеки...».

И так далее...

Глава 1.
Креститель первый

Человек одолел перевал. Он уже не надеялся уйти живым от погони. Даже в пустыне римские стражники не отставали, дым их костра с каждым закатом взлетал все ближе, скоро яркой искоркой стал просвечивать и костер.

Но здесь, на северном склоне горного хребта задранный в небо горизонт потемнел резко, без дыма, без искр. Утром следующего дня Андрей входил в первое пастушье селение.

Нужно было обозначить какую-то цель, иначе путешествие выглядело бегством или шпионским рейдом. Риму никак не удавалось овладеть Арменией, поэтому на незнакомцев с юга тут смотрели косо.

Удобным поводом для прихода в горный край могла бы стать легенда о последнем причале Ноевого Ковчега у вершины горы Арарат. Уж большей святыни для христианина, иудея, а позже и мусульманина трудно было придумать. Паломничество к останкам спасательного судна и ныне должно быть естественным долгом верующих в Единого Бога. Это просто нелепица какая-то, что Ковчег не разыскали еще 4000 лет назад, что армии Сулеймана ибн Дауда (он же царь Израиля Соломон) не нашли это место, не обозначили на картах, не благоустроили, не включили в обязательные маршруты, не сохранили до наших дней, как камень Кааба или Стену Плача.

В наше время Ковчег находят чуть не каждый год. Спутники-шпионы и самолеты «Авакс» регулярно фиксируют на склонах Арарата ребристые очертания, похожие на скелет селедки. Экспедиции карабкаются к останкам Ковчега с верой и надеждой. Они верят в чудесное окаменение древесины на открытом воздухе и надеются найти что-нибудь полезное в трюмных стойлах. Правда, вещественных результатов эти экспедиции пока не принесли. Но мы все ищем. Что-то тянет нас к истокам.

А уж фанатик-одиночка, первый ученик Христа и вовсе был обязан совершить хадж к ветхозаветной Авроре. Мне трудно

придумать другую, более правдоподобную отговорку для Андрея в его бегстве от римской охранки.

Вообще-то считается, что Андрей бродил по нашему Закавказью, Крыму, донским и днепровским степям не просто так, а по конвенции. Апостолы будто бы «разделили всю землю», как сыновья лейтенанта Шмидта. У каждого образовалась подшефная территория, где он обязан был вправлять мозги местным дикарям, не охваченным божьей благодатью, проповедовать в пользу царствия небесного. А то кто же разъяснит недотепам новую правду?

Казалось бы, а чего там Бог сидит? Что ж он со всеми громами, молниями, лингвистическими возможностями, стереоаппаратурой не слабее, чем у Rolling Stones, не врубит глас небесный на полную мощь? Что ж он не рявкнет язычникам: «Покайтесь, сволочи, а то камнями закидаю!»? Зачем ему посредники, посредственные школяры в роли проповедников? Они же все переврут?

Нет. Промолчал. Не удостоил наших горцев прямого правления. С тех пор установилось среди воистину православных легкомысленное отношение к «лицам кавказской национальности».

Итак, вот каковы были балагановские расклады.

Апостол Фома, который и в раны Христовы не очень-то верил, отхватил Парфянское царство, богатый, почти цивилизованный край на стыке Малой Азии и бывшей Вавилонии. Народ тут жил грамотный, не забывший азбуку Хаммурапи и падающую Вавилонскую Башню, годный к платному образованию.

Любимчик Христа Иоанн, этот ссыльный поэт-плагиатор застолбил Малую Азию, — вообще лакомый кусок. Азия была насквозь эллинизирована, но отделялась от Эллады морем, римляне здесь не слишком борзели. Иоанн после отсидки чувствовал себя в Малой Азии гастролирующим корифеем.

Остальные вытащили, кто Египет с Хургадой, кто Афины с греческими смоковницами, кто Иберию с корридой и Гранадой.

Андрею сплавили самую дрянь – Скифию.

Это была такая гнилая страна, в которой и городов-то не водилось. Кочевники спали в седле, территорией не дорожили, покойников хоронили беспорядочно — в курганах. Персидский царь Дарий в 513 году до Рождества хотел было принять Скифию под свой скипетр, но скифы от боя уклонились, задергали Дария партизанскими

наскоками, замотали его конницу меж курганами. Глянул Дарий — могилы вокруг! Вечереет. Восходит огромная, нечеловеческая луна, вдоль дороги мертвые с косами стоят. И тишина!

Рванул Дарий восвояси. Неохота ему было на старости лет кладбищенским сторожем становиться.

Вот такую страну, такой беспородный народ предстояло Андрею просветить, накормить пятью хлебами, тремя копчеными карасями и бабушкиными сказками. В идеале — крестить. В супер-идеале — приучить к оседлой жизни и церковному строительству. Это была еще та задачка, если вспомнить, что именно скифы обворовали непобедимого Геракла, угнали ночью всех его лошадей с деньгами и документами. Потом его практически изнасиловала местная Гидра. У нее родились три сына, один из которых стал первым царем скифов. Скиф Гидро-Геркулесович...

Андрей бы еще подумал, браться за скифских недоумков или проползти в нарушение конвенции в направлении римских бань. Но выбирать не приходилось. Римляне почуяли угрозу гражданскому обществу и стали уничтожать христианских проповедников, как диких собак. Особенно горько доставалось Апостолам — личным ученикам Христа. Их не просто убивали, а назидательно распинали в память об Учителе. Петра, брата Андрея развратные римляне тоже хотели распять на солнышке, но погода стояла прохладная, на тепловой удар надеяться не приходилось. Тогда фашисты повесили брата-2 вверх ногами, как Муссолини. Остальным аналогично назначали. А вот Иоанн, например, отсиделся до старости в дальней островной ссылке, успел Четвертое Евангелие накропать, что якобы «в Начале было Слово». Апокалипсис сочинил о четвертом чернобыльском Ангеле. Получалось, как сейчас, — чем дальше от столиц, тем живее и здоровее.

Андрей двинул на север.

Некоторые считают, что он шел через северную Грецию, нынешние Болгарию, Румынию, Приднестровье, Крым, Дон, Кавказ.

Другие, напротив, резонно предполагают, что апостол нарезал свой круг против часовой стрелки, прямо из Израиля на север.

Но нас интересует не это. Пусть также не обижаются наши кавказские братья, что мы не будем вдаваться в подробности просвещения Армении и Колхиды.

Для нашей повести важно, что делал апостол в нынешней Южной России, дошел ли до Киева, повлиял ли как-то на зарождение нашего православия.

Церковный Историк честно разводит руками: нету никаких свидетельств. А есть реальный результат. Вот он.

После похода апостола Андрея Первозванного, Южная Русь еще 800 лет отдыхала в первозданном девичестве. И тут что-то одно из двух: или Андрей учителем был никудышним — не чета Иисусу из Назарета, или мы тут такие тупые — не чета еврейскому плебсу.

Ну, мы конечно, русофобию эту наглую решительно отвергаем, а некоторые из нас так прямо заходятся в крике о жидах, что они ничего путного не сделали, кроме атомной бомбы. И, значит, просветил их не так чтобы Бог, а, скорее, наоборот...

Мы пытаемся антисимитов урезонить, что евреи очень даже неплохой вклад внесли в культуру...

Но юдоборцы напирают, что все это неплохое написано на нашем, русском языке, на котором каждый дурак шедевры создавать может, а вот что-то нобелевских премий по еврейской литературе не наблюдается и т.п...

Приходится налить и выпить. После первой рюмки казачество успокаивается, после второй — лезет к еврею брататься. Но сам еврей прекращает стенать об угнетенности только после третьей...

Пока они переходят из фазы мордобоя в фазу повальной любви, мы шепотом вопрошаем непьющего читателя:

— Что же сам Бог? Что он нас лично не просветил? Чего ждал 8 веков? Или ему вломы с людоедами возиться?

Значит, не все ему равны.

Значит он ждет, пока мы дорастем до изучения азбуки.

Значит, понимает он по часам — ведет счет времени, и имеет оно для него значение.

Опасный тезис — Бог, привязанный ко времени.

Бог, распятый на косых стрелках кремлевских курантов.

Где был Бог 100 миллионов лет назад, почему сразу не перебил динозавров? Что вообще было до Бога? Пустая межзвездная плазма? Она чем управлялась? – пошлыми законами физики? Уравнением Эйнштейна?

— Точно!!! Слава Богу! А то мы уж совсем разволновались, с чего это пастырь динозавров объявляет евреев избранным народом. Есть за что.

Тем временем, — с толком или без, — святой еврей... пардон, — апостол Андрей прошел всю Армению и Грузию, отметился в Абхазии, побывал в греческих колониях Крыма В Грузии он проповедовал активно, и ему удалось совратить на путь истинный местную царицу. В стране роз стихло жертвоприношение младенцев и случилась революция в кулинарии, — на некоторое время из меню исчезли трупы врагов и безродных покойников. После этого сепаратно от Грузии Андрей просветил Осетию и Абхазию. Продвинувшись оттуда к северу, Апостол угодил в лапы неких «джигетов». По карте понятно, каких.

Джигиты-муджахеды слушать ересь не захотели и собрались агитатора умертвить. Вышел спор, как именно. Радикалы настаивали на медленном снятии кожи. Либералы предлагали посадить еврея в зиндан и послать заявку на получение выкупа – ну, хоть в тридцать имперских сребреников. Народ кричал, кончай волынить, забьем гада камнями, а там поглядим. Но уши надо срезать немедля!

Спор продолжался, и Андрей смог улизнуть по-толстовски...

Так и осталась Чечня у нас некрещеной. Мы-то теперь тужимся над ее просвещением, однако случай у нас застарелый. А мы не апостолы. Тут нужно личное пришествие Христа. Но я боюсь, и оно не поможет. Очень уж обострилась в последнее время неприязнь правоверных к евреям… Тем временем, Андрей бежал через Тамань в Крым, впустую проповедовал в Феодосии, отдышался только на южном берегу, в Херсонесе. Тут обучение пошло легче, — население главной греческой колонии было привычно к духовной пище. Андрей отправился далее, оставив за спиной около 2000 готовеньких христиан.

Но пора же и Скифию вразумлять?

Андрей явился в наши края.

Сказать, что Скифы совсем уж лютый народ – это ложь. Европарламентское преувеличение. Не такие уж мы тут и звери. Вот и царь наш терпел до поры Андреевы рассказы. Сам приходил к костру послушать. А что? Зима. Холодно. Дон промерз на метр.

Наконец потянуло весной, пора было садиться в седло, браться за саблю острую. Но тут обнаружилось, что народ у костров и в кибитках

развращен до неузнаваемости. Эти наивные люди, дети степей, приняли всерьез уговоры иудея не стремиться к материальным ценностям, не искать пропитания, подыхать в степи ради некоего Христа. Хватились Андрея. Лектор смылся в неизвестном направлении. Пришлось судить своих.

Были осуждены некие парни с хоббитовскими именами – Енен, Нирин и Пин. В последнем слове они настаивали на приближении общественных перемен, божились, что процесс пошел, а лед тронулся. Это и определило приговор. Были с корнем выдраны три дерева, установлены на тающем льду. К деревьям привязали отщепенцев.

— Ледохода ждете? – грустно буркнул князь, — Ну, ждите… Лед тронулся немедленно, по щучьему велению, — такая у нас, скифов тогда религия была. Распятия стали медленно погружаться, новомученники скрылись под водой без покаяния… Андрей тем временем добрался до Киева. Вернее, до нынешних киевских холмов, где ничего тогда, кроме разбойничьих да рыбацких халуп не наблюдалось. В окрестностях процветали сыроедство и шаманство, бушевал незащищенный секс. Славянское население множилось неумеренно и неорганизованно. Следовало это прекратить. Андрей водрузил над хижинами деревянный крест, пообещал, что здесь будет город возведен на зло надменному соседу. Что злые скифы хрен его возьмут, а только зубы обломают, и тогда мы поглядим, куда у нас лед тронется!

Будущие киевляне остались с открытыми ртами, а Андрей пошел против течения – в Новгород.

Новгорода тоже еще не было, но бани русские там уже имелись. Усталый Апостол охотно попарился, смыл дорожную грязь, прошелся березовым веничком по наследию страшных времен… Вот ведь, оказывается! — есть тут цивилизация! Ни прибавить, ни убавить! Даже с девками парятся вместе, как в римских термах!

Андрей не стал проповедовать в Новгородских краях, записал в отчет строку о бане и удалился очищенным и просветленным. Не взял он Новгорода. Конечно! – его и татары у нас не взяли! А уж Андрей – не хуже татарина!

С этого момента миссия Андрея изменилась радикально. Он забыл проповедовать христианство, а наоборот, увлекся пропагандой телесной благодати, снисходящей на полки русских бань.

В таком неадекватном состоянии Апостол вернулся в Рим, и на вопрос: «Ты где был?», — отвечал, что мед-пиво пил… Эти великие слова вошли в мировой фольлор и стали непременный финалом самых лучших литературных произведений… Тут перо очарованного автора останавливается в нехорошем предчувствии. Что-то шуршит за спиной. Кто-то шепчет о медленном снятии кожи. Автор вздрагивает и кричит в пустоту:

— Кончайте борзеть, пацаны! Я за этот базар не в ответе. У меня цитата имеется! Я теперь вам в конце каждой главы цитаты предъявлять буду!

«…Когда от нас он отправился и пришел в Рим, то прежде всего исповеда там христианам елико научи и елико виде он в земле словенской…» Вот так! Знай наших!..

О Русской Бане узнал и Цезарь:

— Что за новая напасть?! – ликвидировать немедленно!

Андрей был схвачен и распят на масличном дереве в Патрасе Ахейском.

Если судить по ордену Андрея Первозванного и косому голубому кресту на военно-морском флаге, то выходит, что масличное дерево имело не только расходящуюся пару толстых ветвей, но и расширенное корневище. А может, Андрею ноги просто обкрутили вокруг ствола, чтоб получить хоть что-то, похожее на букву «Х».

Глава 2
Чудо первое

Через тридцать лет после Апостола Андрея в Крым прибыл ссыльный поселенец – Римский папа Климент. Чем-то он не угодил в Риме императору Траяну. Бывшую паству Апостола Климент обнаружил в каменоломнях. То ли Андрей проповедовал среди пролетариата, то ли крымские христиане оказались на разработках за отсутствием лесоповала.

Клименту предписывалось сидеть тихо, тянуть срок в смирении. Но он не мог смириться с утратой тиары и продолжил папские проповеди. Сначала дело двигалось туго. Прихожан было мало – только грубые каменотесы да такие же ссыльные. Пришлось Клименту «совершить чудо»… В дальнейшем слово «Чудо» мы будем писать без кавычек и с большой буквы. Роль Чуда в христианстве очень велика – это царица доказательств, это – как признание обвиняемого в следственном ремесле.

Если бы нам сейчас вволю предъявляли Чудес, разве мы таскались бы по кабакам? Нет. Мы бы тихо отдыхали в церкви! Но сейчас настоящее Чудо в дефиците. Даже покойному Папе Иоанну-Павлу II приходится дожидаться признания святости из-за отсутствия авторских Чудес. Говорят, правда, уже выскочил какой-то исцеленный хромой. То ли из «Фиорентины», то ли из «Лацио»… Описане Чуда Климента до нас не дошло. Но оно наверняка имело место, поскольку «святой благовестник в течение года искоренил язычество» в Крыму и построил 75 церквей. Крестил он «по нескольку сот человек в день». То есть, за год работы с выходными по субботам мог провернуть тысяч 50 или 100 поганого населения.

Не стоило бывшему Папе так усердствовать. Император узнал о нарушении режима и велел утопить Климента в 100 году нашей эры. Паству его также проредили. Уцелевшие перекрестились обратно – в веру Юпитера и Венеры.

Двести лет было у нас тихо.

В 310 году явились в Тавроскифию миссионеры Патриарха Иерусалимского — епископы Василий и Ефрем. Кругом царили языческие безобразия – поедание сырой пищи и стриптиз при луне. Ефрем и Василий многие годы старались это прекратить, но едва наметились подвижки в массовом сознании, как император Диоклетиан наградил обоих «мученическим венцом». «Венцы» были надеты 7 марта 323 года.

На пустое место прибыли трое новых миссионеров. Продержались ровно год, и 7 марта тоже были казнены «жидами и язычниками»… Нехорошее слово «жид» здесь и далее следует понимать исключительно в религиозном смысле. У нас им иногда припечатывают граждан с хитрым выражением лица, подозрением на еврейскую кровь или причастность к банковскому делу. Но отставим быт. Наша церковь официально именует «жидами» или «жидовствующими» исповедников и проповедников иудейской, дохристианской религии. Необходимыми атрибутами «жидовства» является иудейская вера, посещение синагоги, оперативное вмешательство в личную жизнь и готовность умереть, но не чихнуть в день субботний. В кино «жида» можно также узнать по широкополой высокой черной шляпе, черному пальто в 40-градусную жару, мексиканскому пончо и завиткам от бигудей… Пока жидовствующие зачищали Крым, в Риме воцарился Константин Великий. Он сделал христианскую церковь государственной и разрешил христианам жить в свое удовольствие. Дошла благая весть и в наши края. Гонец Константина Еферий прибыл в Херсонес, но попал неудачно — на проклятый день календаря 7 марта 325 года — и тут же на месте скончался. Ему на смену прибыл новый пастырь — Капитан. Но едва Капитан взялся за штурвал скифского православия, как набежали язычники, стали кричать, плеваться и требовать Чуда. Чудо было охотно представлено.

Вот первое протокольное христианское Чудо на нашей земле.

Капитан велел построить печь в человеческий рост, истопить ее, не жалея дров, перекрестился и на глазах изумленной публики вошел в огонь, где оставался благополучно в течение часа. Народ удивленно рассматривал праведника в языках пламени через прикопченые стекла. По прошествии времени Капитан вышел из геенны огненной и

подвергся медосмотру. Никаких ожогов никакой степени на нем не нашлось.

О Чуде было немедля доложено императору Константину, который уверился в правильности государственного курса.

Депеша о неопалимом Капитане была читана и на церковном съезде – Первом Вселенском Соборе в Никее, происходившем – совершенно случайно – в эти же дни. Делегаты стоя возгласили здравицы президиуму, единственно-верному учению, лично дорогому императору Константину, «прославили Бога, дивного во святых своих для спасения грешников».

С этого первого Чуда 325 года церковное христианство утвердилось у нас безвылазно. Оно еще не стало официальным и повсеместным, но присутствие его на нашей земле с тех пор не прерывалось. Оно то проступало на карте Дикого Поля мелкой сыпью, то расползалось казенным пятном по всей стране, то лопалось пополам, то меняло фактуру. Но присутствовало непременно. Имеется оно и сейчас. Можете пощупать.

Глава 3
Русская тройка

Бывают дни, когда опустишь руки – такие эти дни окаянные.

Ни дня не проходит без взрывов и пожаров в новостях, привычных человеческих жертв. Мы очень беспокоимся о курсе свиного бисера на нью-йоркской бирже. Но так устроен наш Бог – Телевизор, — он решительно стимулирует наши поджилки. И мы очень натренированны. Нас трупами, кровью и прочей ерундой не проймешь!

А раньше было не то, что теперь, мужик жил спокойно.

Вот, казалось бы, — идет тихое время, пустые годы наполняют медленные десятилетия, неторопливые века. Но вдруг случается что-то небесное, гремит гром, трещит хребет старого мира, и мужик испуганно крестится в зенит.

В те старинные времена не случалось более одного существенного события в один век. Если в 13 веке объявлялось татарское иго, то уж скидывать его полагалось только в 14-м, а то и 15-м! Раньше никак нельзя! Общественное сознание могло не выдержать. Ему нужно было осмыслить новые факты, потихоньку приспособиться, мучительно отказаться от некоторых иллюзий. А то, если сразу, — совращение малолетних могло получиться.

Но и случилось же оно в нашей Истории! Рвануло посреди несчастного 9-го века. Так рвануло, что затрещала Европа по всем швам, да и нам досталось. Рвануло двумя дуплетами, почти одновременно, в соседних годах. Вот, смотрите сами: в каких других древних веках било так густо:

862. Разработка Кириллом славянской азбуки и перевод Мефодием Евангелия на славянский язык; и тут же Призвание славянами варягов – основание Руси.

866. Крещение первых «руссов» Аскольда и Дира; и через несколько месяцев — Константинопольский Собор Тысячи

православных епископов, — раскол христианского мира на латинскую и византийскую части.

Невооруженным глазом видно, что русское «пробуждение» очень резко порет европейскую ткань.

До призвания варягов мы будто бы додумались сами, своим умом, устно, без всякой письменности. Хотя я считаю, что никакого «призвания» на самом деле не было. Как и ныне вдруг вынырнула из морозных далей некая густопсовая сволочь, объявила себя единственно верной партией, и выбила наше согласие на единогласие.

А славянская грамота Кирилла и Мефодия только помогла это свинство закрепить конституционно, запротоколировать во веки веков.

Кирилла с его грамотой к нам тоже никто не приглашал. Он сам пришел по заданию компетентных органов.

Церковный Историк соглашается, что древние славяне «были совсем не так грубы и необразованны, как их представляют тщеславные греки». Но дело было не в общей культуре и образованности, не в движениях васильковой славянской души вслед за небесным закатом, а в очень простых политических вещах. Римская церковь стремилась к всемирному распространению. Она пыталась возродить Империю в прежних, и даже более обширных границах. Только теперь для этого она использовала не легионы Цезаря, а слово Божье. Как-то смешно и горько сплелись римская экспансия и иудейская идеология, палачи и казненные, память Христа и память Пилата. Это, примерно, как если бы Гитлер победил-таки во всей Европе, благополучно завершил Холокост, а остатки евреев направил с проповедью в неумытую, но все еще непобедимую Россию. И обосновывал преимущества нового порядка цитатами из обоих Заветов. Впрочем, ведь он так и делал?

Кирилл и Мефодий были греческими монахами и родными братьями. Кирилл имел мирское имя Константин и кличку Философ. Он, собственно, и является изобретателем славянской письменности. Мефодий после смерти брата занимался в основном переводами Библии на свежеиспеченные языки.

Кирилла послали к славянам папа Римский Николай I и Император Константинопольский Михаил.

Кирилл путешествовал по славянским странам с зачатками христианства. Его задачей было внедрение письменности, ибо нигде у

славян ее не было, а внимать Божью благодать по-латыни или гречески мы категорически не хотели.

Кирилл действовал разрушительно. Ущерб, который он нанес мировой культуре, невосполним и необъятен...

Вот, как раз за эти слова можно очень легко попасть в опалу к нынешним цезарям и папам, но это факт.

Кирилл равен по своей разрушительной силе тем тоннам тротила, которые Творец заложил в основание Вавилонской башни. Именно такое смешение языков вызвал иудейский Бог среди человечества испугом от падения вавилонского небоскреба. Именно такое смешение языков спровоцировал Кирилл своей просветительской деятельностью. Церковный Историк так прямо его и называет — «виновник славянской азбуки»...

Казалось бы, хочешь, чтоб Евангелие прочли и услашали славяне? Ну и переводи его на славянский, используя единый алфавит:

«ISKONI BE SLOWO...»...

Так нет же. Он начал «прислушиваться к звучанию» болгарской, моравской, еще какой-то славянской речи, и ПОД КАЖДУЮ!!! лепить особый алфавит, заимствованный в основном из греческого, но в изрядно искаженной форме. Ну, не нравится тебе латиница, так ты хоть греческий алфавит не курочь! А покурочил, так остановись на чем-то одном! Нет. Он вдалбливал свои недоделанные алфавиты всем попутным народам, улучшал кириллицу по дороге, и в следующую столицу приходил с «улучшенной» версией. Если бы тогда коммуникации и международные отношения были, как сейчас, то мы бы от Windows'862 к Windows'866 и без посторонних перебрались. А так пришлось в одних славянских языках вообще отказаться от кириллицы, в других — вот несчастье! — вводить разные тильды, пимпочки и примочки. Славянские языки превратились в вавилонское сборище и вопят скорее матерными, чем ангельскими голосами. Особенно это слышно, когда продираешься через кодировки электронной почты.

Святой наш Отец восторженно вздыхает о «прекрасной заре народной письменности», он гордится, что «в ныне просвещеннейших странах — Англии, Франции, Германии... и мысли о том еще не имели»...

Повезло людям.

В итоге после «второго крещения» кириллицей славянская культура оказалась размытой, отколотой от Запада, и раскол этот ширился, разрастался взаимным непониманием между братскими народами.

Вот таким казенным кнутом и церковным пряником хлестнули нас несчастные 9-й и 10-й века.

И понеслась русская Тройка!...

Впрочем, почему Тройка?

Мы же только два коня насчитали — троянское православие и оккупационную государственность?

А в том-то и дело, что эти два говорящие коня стали навязчиво спрашивать у нас, не желаем ли мы, русский народ, быть третьим в их упряжке?

«Не-а!» — мычим мы на чистом русском языке.

«Хотят единогласно!» — выписывают кони своей иноходью — кириллицей.

Так и тащимся мы.

Рядом, но порознь.

Тягловый бык и пристяжные клячи.

Глава 4
Неопалимая доверчивость

Вообще-то, официально Русь крестили пять раз. Вот эти пять крещений:

1. Крещение отдельных поселений Апостолом Андреем.
2. Крещение (просвещение) славян Кириллом и Мефодием.
3. Крещение варяжских вождей Аскольда и Дира.
4. Крещение св. Ольги, княгини Киевской.
5. Крещение — «окончательное» — св. Владимира Красное Солнце.

Примерно с третьего раза крестители поняли, что крестить нас или наши избы — бесполезно. Полезней окрестить хрен и редьку в наших огородах. Баб в наших банях. Зато крестить вождей — милое дело! От них крещение ниспадает на народ по правительственной вертикали, и мы становимся такими крещеными, что даже пальцы в кармане скрещиваем в священную нашу фигуру.

Крещение Аскольда и Дира случилось при занятных обстоятельствах. Эти два рюриковских командира после захвата Киева в конце 864 года навалились на Константинополь. Быстро овладев окрестностями священного города, северяне устроили беспредельную резню, повергшую в шок и трепет видавших виды византийцев. Император Михаил III срочно прервал отпуск и с риском для жизни прорвался в осажденную столицу по воде, через флотилии захватчиков. Все вокруг горело ярким пламенем, — русские жгли пригороды. Деваться было некуда, и Михаил с патриархом Фотием бросились во Влахернскую церковь, припасть к чудотворной ризе Богоматери, — она там хранилась в нафталине. От ризы исходило такое поле, что Михаил с Фотием воспряли, прихватили ризу с собой и стали использовать ее как оружие массового уничтожения.

Работает эта штука так. Нужно потрясти подолом ризы над поверхностью захваченного противником водоема, а потом — ка-ак шваркнуть! — ка-ак окунуть подол в воду!

Тут сразу начинается шторм в 12 баллов — по числу Апостолов. Каждый балл, каждый вал уничтожает не менее одной двенадцатой вражеского флота, так что идущий последним, аки по суху, 13-й ходок — Иисус только разгребает на поверхности залива Золотой Рог щепки русской сосны.

От такого ужаса русские драпают к себе в Киев, сидят тихо, да еще присылают в Константинополь с нижайшей просьбой «крещения».

К нам тут же направляется епископ Михаил, который начинает слать начальству насквозь лживые отчеты, будто по его приезду весь русский народ сбежался на собрание. «Председательствовал сам царь со своими вельможами и сенаторами». И только раскрыл епископ Евангелие, только читнул оттуда пару фраз, как русские забеспокоились и стали слушать не просто так, а навострив уши. Кончики ушей у нас тогда были острыми, как у волков.

Епископ вкратце прошелся по христианским чудесам, и тут русские вскочили с мест и стали рычать наперебой, что ни хрена не поверят в эту лабуду, если епископ немедленно не покажет нам какое-нибудь чудо! Нас на понт не возьмешь! Вот, хоть бы это чудо — о трех отроках в огненной печке — очень нам подходит! Мы отроков жарить очень любим. Задние ряды првстали на мохнатых лапах, передние явственно сглатывали слюну.

Михаила просто током трясло. В его голове звучал голос Христа: «Аще чего просите во имя мое, Аз сотворю», но рядом завывали славяне, и было страшновато. Тем не менее, епископ встряхнулся и смело заявил язычникам, что ради такого случая Христос согласен исполнить любой фокус, какого ни попросит почтенная публика.

Публика оказалась не столь жестокой, как некоторым хочется нас представлять. Мы попросили оставить несчастных отроков в покое, а спалить вот хоть эту книжку. Епископ скуксился, — книга стоила немалых денег. Тогда мы поклялись своими самыми распоганейшими и препохабнейшими богами, что немедленно перейдем в христианство, если книжка не сгорит.

Деваться было некуда. Михаил воздел руки и очи горе и обратился к Христу: «Господи, прослави и ныне святое имя Твое пред очию сего народа». Иисус кивнул, и Евангелие полетело в костер. Тут-то впервые

выяснгилось, что рукописи не горят! Книжка за отсутствием книгопечати была воистину рукописной.

«Прошло несколько часов. Огонь потребил весь материал», — т.е. дрова, а Евангелие даже не прикоптилось. Видя это, «варвары немедля начали креститься».

Хочется верить в это кино. Очень уж красиво выглядит в огне папирус или свиная кожа, но вот что настораживает. Не было в Киеве никакого «царя, вельмож и сенаторов». А были два бандита Аскольд и Дир. Шайка их могла, конечно, косить под сенаторов — барахла византийского награбили навалом. Но народ наш на всероссийское собрание в те годы собирался только плетью.

Никаких нравственных последствий это огненное чудо не вызвало. По идее, оно должно было навеки парализовать волю зрителей, зазвучать в былинах и песнях гусляров. Но нет. Не отмечено. И в летописях наших о несгораемой Книге не осталось ни одной кириллической закорючки. Скорее всего, наврал командировочный епископ о своей крутизне ради казенной отчетности...

Глава 5
Эпоха мечтательного плюрализма

Так всегда бывает после крупных политических встрясок, в конце 9 века на Руси потянулось интересное время. Еще все было можно, но уже чувствовалось, что скоро будет нельзя. Поэтому хотелось еще сильнее, елось и пилось с аппетитом. Гражданам на выбор предлагался широкий ассортимент духовных блюд. Хочешь, читай готтскую литературу, думай, что ты ариец; хочешь, прислоняйся к хазарскому иудейству; хочешь, в христианство или мусульманство вступай. А хочешь, — оставайся верным заветам отцов — родных язычников.

В городах благополучно строились деревянные церквушки, из отходов древесины получались неплохие столбы с мордами старых богов. Они втыкались здесь же, неподалеку. Все это как-то уживалось, никто не тыкал в соседа «чуркой», «фашистом» или «жидом».

Стравить нас друг с другом могла только неустанная забота верховного руководства. Но князь на религиозный разброд смотрел сквозь пальцы. Половина его дружины верила в Христа распятого, половина — в Велеса лохматого, и ничего — выпивали вместе.

Собирателям паствы это не нравилось, они думали напряженно и вскоре вычислили правильный вектор: нужно долбить князя!

После Аскольда и Дира правил Вещий Олег. Он первым и последним из русских взял Царьград-Константинополь. Принимать веру поверженных греков посчитал западло. Тем более, что ее приняли битые греками и убитые им лично Аскольд и Дир. Поэтому Олег продолжал общаться с волхвами.

Сменивший Олега Игорь был властитель слабый и лукавый, больше интересовался вопросами налогообложения, в теологию не вникал. Он неудачно атаковал Царьград, был бит и распустил основную дружину подъедаться в наемниках. Те воины, которые побывали на службе в Византии, возвращались в Киев прилично упакованными. Поражали блеском сбруи, амуниции, нательных крестов. Многим хотелось так же.

Особенно остро переживала вести с Византийских подмостков жена Игоря княгиня Ольга. Она отбирала модные коллекции из трофеев мужа, а по его смерти и сама двинула на Царьград. Там ее одарили, приодели, крестили...

Святой отец Макарий недоумевает, с чего Ольга поехала за тыщу верст киселя хлебать, когда при ней обитал греческий проповедник Григорий, именовавший себя не менее, чем «папой». Уж этот «папа» мог Ольгу крестить на месте одной левой. Некоторым в голову приходит мысль о тяге Ольги к европейскому образованию — по типу Петра Великого. Но тогда зачем было тащить с собой «папу»? А существует и еще предположение, что Ольге стукнуло 67 лет, и ее охватил ужас господний. «Папа» Григорий нашептывал на ночь вдовой княгине страшные сказки о Геенне Огненной, поэтому в Царьград Ольга кинулась от ужаса ночного, по-научному — pavor nocturnis.

Поездка происходила летом и осенью 957 года. Эта дата долгое время вызывала споры, однако, сейчас все разрешилось очень просто. Ольга была принята Императором в среду 9 сентября и в воскресенье 18 октября. Такое сочетание при других ограничениях выпадает только на 957-й год. Мы с вами можем в этом убедиться по нашему интерактивному Юлианскому календарю.

Вернувшись к нам крещеной, Ольга сделала несколько слабых попыток распространить православие, как и обещала в Царьграде. Но сын Ольги Святослав как раз задрался с греками-болгарами, и христианствовать в его войсках стало подозрительным, кое-кого прямо шлепнули перед строем за подрывные дела.

Тогда Ольга стала напевать ноктюрны внукам, пыталась их «учить», но это были такие живые мальчики, что уроки делать никак не хотели, а когда подросли, то и друг друга в живых не оставили.

Ольга скончалась в губокой старости (79 лет) и «первая от Руси в Царство Небесное вниде» (!). То есть, вы поняли: все миллионы славян, умерших до Ольги, отправились к чертовой матери. Даже те, кто по наивности вообще не знал о православии, кто жил в наших лесах до Христа, до апостола Андрея, до явления в Израиле еврейства Моисеева как такового! Вот как, оказывается, мы зависим от зарубежного фольлора. Живем себе, не тужим, а тем временем в какой нибудь Папуасии бегает в соплях будущий мессия; и он укажет нам путь в смоляные котлы только за то, что мы его не предугадали!..

Выживший Владимир Красное Солнце довольно долго прохлаждался вином и многоженством, к религиям относился потребительски. Он начал очень круто. Кроме страхов, о православии ничего не помнил, туда же относил смерть отца, его последние военные поражения, братскую ненависть и резню в стиле Каина-Авеля. Поэтому сразу привел в порядок святые места — курганы языческой славы. Идолы были обновлены, отполированы, позолочены. Киев украсился холмами и холмиками, напоминающими детсадовские «Берендеевки». Вера отцов воссияла. Пошли сплошные праздники с жертвоприношениями. В материале недостатка не ощущалось, имелся неплохой запас неосторожных христиан, инакомыслящих, правозащитников и прочих съедобных. Христианские церкви пошли на дрова в первую же зиму. А летом произошел случай с недостачей Чуда.

Представьте себе: Киев. Прекрасная июльская погода. Князь Владимир возвращается из победного похода на ятвягов. Победа получена в обмен на усиленные молитвы к Перуну и Мокошу с обещаниями пристойной жертвы. Таковая жертва по приезду в столицу назначается из числа молодых крещеных варягов. Команда исполнителей чин-чином отправляется к новобранцу, вручает повестку, поздравляет его и т.п. Но парень служить отказывается. Его папа, старый варяг выскакивает с двуручным мечом на крыльцо и предлагает военкоматовцам идти поздорову. Толстые жалуются князю. Князь в шоке. Кричит дурным голосом, бьет в набат, сзывает спецназ. Возмущенные киевляне окружают двор уклониста всенародным кольцом. Еще несколько раз предлагают по-хорошему исполнить гражданский долг — пролить кровь за родину.

Отец призывника начинает выкрикивать провокаторские лозунги. Вот их смысл: «Если ваши поганые боги такие крутые, пусть любой из них войдет сюда и возьмет моего сына!»...

На этом церковное описание дискуссии быстро сворачивается, христиан убивают. Но я категорически против такого конца! Нерв ситуации предполагает балагановский выкрик: «А ты кто такой!? Сам дурак!». Клянусь остатками религиозного чувства, что такой выкрик прозвучал.

— Ты наших Богов не трожь! Они за такой шелупенью и с места не двинуться! Ты своих божков подавай! Пусть твое жидовское

семейство само сюда приходит и за вас заступается!

— Ну? Где оно? Нету! Так получите!

Тут народ, естественно, подрубил угловые столбы, завалил избу и спалил все это нагромождение греха и праведности...

Я смиренно присоединяюсь к недоумению моих предков: какого еще повода нужно для Чуда? Вот когда нужно было «прославить имя Божье»! Ведь, разверзнись головешки, выйди оттуда неопалимые Иван да Федор (так их звали), что бы мы — не крестились? Не сказали бы князю Владимиру, чтоб не борзел? Нет, Чуда нам опять пожалели. Небесные силы отнеслись к нам с презрением, решили воздействовать прямиком на князя:

«...Святой вере надлежало еще взойти на великокняжеский престол».

Святая вера ничего дурного нам не желала, она только хотела «стать на высокой свещнице», чтоб ее заметили темные россияне, и «разогнать мрак идолопоклонства».

Этим церковь и занялась. Ее инструмент вошел в аналы. Так же теперь внедряются в народное тело однопартийность и обязательное автострахование.

При дворе князя ошивалось довольно много проповедников, волхвов и колдунов. Понятно, что они там делали — шаманили себе на карман. Так уж устроена власть, — вокруг нее собирается невесомое комариное облако работников СМИ, специалистов по PR, служителей всяких культов, аналитиков, экстрасенсов, прорицателей. Это происходит по многим причинам.

Во-первых, власть, как правило, некомпетентна. Чтобы добраться до власти, человеку нужны мышцы, сноровка, гибкая совесть. Эти члены карьерного тела накачиваются, комсомолец развивается по однобокой, однопартийной линии, щеки и подбородок его приобретают особый генотипический рельеф. Интеллект мутанта при этом становится расплывчатым, специфическим. Это вроде и не дурак, но и беседовать с ним скучно, бесполезно. Оказавшись-таки на вершине власти, утвердившись над нашими лысинами, вождь норовит узнать, что в этих лысинах заряжено. Сам врубиться в формулы ядерного распада или макроэкономические кривые он не в силах. Вот и призывает «аналитиков», которые журчат разноголосым хором.

Толку от них ноль, но спать — спокойнее, ядерный чемоданчик не давит в бок.

Во-вторых, власть греховна. Властитель убивает, ворует, разрушает. Пусть, не по злобе, — в силу должностных понятий и инструкций. Но пыль от растертой сапогами совести на пути выдвиженца остается. Она неприятно скрипит, портит вид ковровой дорожки, оседает на мундире, колет глаза. Для снятия атавизма совести хороши попы. В принципе, любая религия предлагает ход для всепрощения — индульгенцию, нирвану, покаяние на исповеди, очистительный хадж, искупительную войну с иноверцами. Так что конфессии наши — все ко двору.

Еще власть труслива. В бытовом смысле. Повседневное поведение ей рекомендуют PR-щики, душеспасение гарантируют прикормленные «духовники», но снайперских стрел или предательского яда они не отменяют. Бессильны против заговора и силовики, — эти едва успевают заниматься собственным воспроизводством. Тогда главный начальник прибегает к последнему средству — волхвам и колдунам. Нострадамусы заселяют лучшие покои дворца, и каждое утро подносят к завтраку распечатку хорошего гороскопа.

Короче, не успеешь ты и плешь под новенькой короной почесать, а тебя уже обсели!

Между преблажными начинается тихая толкотня. Проходят месяцы или годы, и кто-то из них в зависимости от обстоятельств и той же комсомольской сноровки оказывается самым «верным», «судьбоносным», точным в предсказаниях. Тогда он задвигает или душит остальных и становится «единственно верным».

Вот такой процес и закрутился при дворе Владимира Святославича Красно Солнышко.

Глава 6
Витязь на распутье

Сведения о крещении Владимира принято считать совершенно достоверными. Они записаны нашим первым летописцем Нестором со слов старожила обители, в которой Нестор и сам пребывал, — преподобного отца Иеремии. Иеремия крестился в первом потоке — в 988 году, одновременно с основной массой податливых киевлян. Владимира помнил в лицо. Вот что он рассказывал Нестору под запись.

Князя Киевского удалось окрестить в три подхода.

1. Сначала шли уговоры и реклама разных вер.

2. Потом происходило «испытание» их свойств на практике.

3. Наконец, свершился собственно крестильный обряд.

По первому пункту князя пытались взять под контроль по-хорошему, то есть, чисто голословно. В 986 году начали мусульмане. Их представитель прибыл из Волжской Болгарии и обещал князю узаконить привычное и приятное многоженство. Правда, приходилось подвергнуться обрезанию, бросить пить и не есть свинины. Но в Киеве остаться без сала казалось нелепым, — тогда это был основной энергетический ресурс страны. Мусульманин убыл восвояси в 24 часа.

Следующими подъехали товарищи из Рима. Католическая проповедь христианства ничем на слух не отличалась от византийских рассказов, и Владимир, естественно, запутался бы в тонкостях, однако рядом оказались греческие советники. Греки нажали на память св. бабки Ольги, на неудачные попытки римлян в прошлом, так что папских нунциев тоже отправили с честью.

Третьими летописец упоминает «жидов хазарских». Хазарское ханство на Дону в этническом плане было, разумеется, не иудейским, то есть, настоящих евреев тут у нас было меньше, чем сейчас, но религию Моисея тогдашние донцы исповедовали в качестве государственной. Жиды начали с подходцем. «Мы тут слышали, что к

вам приходили болгаре и христиане и уговаривали принять их закон...».

— Ну.

— Так они хотят вас подставить под бога, который на самом деле вовсе и не бог...

— А кто?

— А это был у нас такой мужичок, бродяжка, возмутитель спокойствия. Мы его прикончили за хулиганство рабской казнью. А тебе мы предлагаем натурального Бога, в которого верили даже Авраам, Исаак и Иаков...».

Жиды еще долго расписывали прелести исконного мировоззрения, а Владимир призадумался. Спросил невпопад, чисто по-еврейски:

«А где ваше отечество?»

— Вообще-то, в Иерусалиме — это город такой, «но Бог за грехи отцов наших лишил нас отечества и рассеял по всей земле...».

Владимир снова задумался. Получалось, что еврейский Бог слишком суров. Таких приличных, образованных господ, одетых в золото и парчу, шуганул в наши неотапливаемые края. Так можно, пожалуй и Киева лишиться!

— Ступайте, — сказал Владимир, — замаливайте грехи отцов.

Последним прибыл «греческий философ», хотя, сказать по правде, как раз «греческих философов» при дворе Владимира и так достаточно питалось. Но этот ученый был специально подготовлен, и начал с пространной критики предшественников. Он разоблачил мусульман и латинян, все усложнял и усложнял терминологию, но князь и бровью не вел. Его беспокоила еврейская заноза.

— Скажи, любезный: тут жиды что-то такое говорили, что твоего бога легко укокошить обычным копьем? И будто его можно вялить на солнышке, как свиной окорок?

— Вот в том-то и фокус! Эти козлы разве не говорили тебе за что их погнали поганой метлой по всему белу свету?

— Ну, как бы за грехи отцов. Я так понимаю, с бабами левыми что-то такое — необрезанным дышлом через коромысло...

— Нет и нет! Как раз за это распятие они и пострадали!

Все сходилось. Владимир подумал, что если изловить Перуна и прибить его гвоздями к собственному деревянному изваянию, то точно

лишишься баб, вина, сала. И Киева — дорогой нашей Родины!

Владимир милостиво кивнул греку. Позвал отобедать, чем Бог послал. Языческий Бог послал в тот раз совершенно особые разносолы, но во время обеда грек непрерывно излагал основы православной веры, «весь план Божественного домостроительства», так что, вкуса еды никто не запомнил.

В конце сеанса грек ударил в самую больную точку. Князю была представлена картинка, на которой Судья разделял покойный народ на две половинки. По праву руку ставил крещеных и отправлял их в рай. По леву руку нехристи конвоировались в ад. «Философ» прищурился не хуже еврея:

— А ты куда желаешь?

Он намекал, что всего-то и делов — принять формальное крещение.

Но Владимир опять призадумался: «Пожду еще немного».

«Философ» убыл с честью, как и прочие.

В принципе, ничего не произошло, выбор не состоялся. Отчитываться в Константинополе было не о чем. Разве что опять приврать. Якобы русский царь в душе уже выбрал православие, но только медлит, ждет чего-то...

Мы с вами понимаем, что князь ждал конкретного Чуда. Он ведь не хуже немытой паствы Капитана или епископа Михаила, что ж ему персонального Чуда было не показать? Но нет, не потянули! Ни иудаист хазарский, ни магометанин из Дикого Поля, ни немецкие католики, — никто не осилил даже кролика из мешка! Православный грек тоже не додумался до элементарного фокуса с дрессированными мышами...

Вообще, проблема уверения населения у нас по сей день стоит остро. Замечено: чем бессмысленней, мелочней повод для Чуда, тем вероятнее оно случается. А в самый нужный момент его нету.

Какой резон было Капитану и Михаилу так напрягаться ради кучки дикарей? А вот, пожалуйста, Христос их сподобил, отыграли свои чудеса, как учения МЧС. А сейчас, например, когда народу развелось более 6 миллиардов, и в основном это язычники поганые, атеисты, агностики гололобые; когда все вокруг горит настоящим пламенем, и нужно Чудом шарахнуть, хоть кричи, где Божья воля? Где вселенская опера и балет? Где оратории на тысячу ангельских голосов?

Где мохнатые бесы, публично побиваемые крылатыми младенцами? Где стаи блудниц вавилонских, истязаемых с нашей радостью?... Впрочем, последние как раз на месте...

Нету нам Чуда настоящего. Приходится самим выдумывать то атомную бомбу, то компьютер, то межпланетную станцию. По части чудес мы давно обогнали все ангельское сословие. Сотовым телефоном, например, мы легко обратили бы святого Владимира хоть в соляной столб. Но не оказалось нашего человека из МТС в лето 986-е на княжом дворе в стольном граде Киеве...

А Владимир ждал чуда. Никак не хотел всухую креститься.

Глава 7
Драма Четырех Вер

Есть еще одна — очень приятная, хоть и неофициальная, — версия о представлении вер. По этой версии 986 год прошел при киевском дворе не в приемах религиозных посольств, а в репетициях придворного театра. Готовилась первая в русской истории драматическая постановка. Режиссером и сценаристом выступала одна из жен великого князя — бывшая греческая монахиня, вдова старшего княжеского брата Ярополка, попавшая в гарем Владимира после братоубийства. Эта утонченная византийская дама скучала у нас беспросветно и, естественно, хотела хоть что-то вернуть из своего девичьего прошлого. Таковым прошлым оказался театр. Сюжет выбрали религиозный с двойным прицелом: не просто показать всякие ужасы, но и обратить князя на путь истинный.

Спектакль состоял из четырех актов по числу наблюдаемых вер.

В первом действии по сцене кружили полуголые гурии в балетных пачках, коварные арабские медики подкрадывались к наивному герою с кровельными ножницами, мытари на киевском рынке потрошили лотки со свининой, менты крышевали подпольное производство водки.

Во втором акте католические рыцари в жестяных латах скакали по сцене на деревянных лошадках, выкрикивали молитвы на отрывистом немецком языке и выглядели очень нелепо.

В третьем действии евреи изображали переход Моисея через Суэцкий канал, неравный бой поселенцев с конницей Пилата, бегство двеннадцати колен Израилевых вприсядку. Князь весело смеялся, и следующий, четвертый акт принял совсем благосклонно.

Тут было здорово! Апокалипсис бушевал безразмерный, драконы и черти бегали в безобразных масках, книги летали по воздуху, православные охотники с крыльями выслеживали трехглавого Зверя, «жена» из придворных стряпух в натуре родила прямо на сцене. А

когда из-за кулис вышла совершенно голая Вавилонская блудница, Владимир вскочил и зааплодировал.

— Креста на тебе нет! — вцепилась в рукав жена-постановщица.

— Крещусь, крещусь, отстань! — обещал раненый князь.

Отец Макарий оплевал эту гипотезу вполне голословно:

— «Какие при Владимире театры? Какие в греческих монастырях у монахинь театральные представления? Театров в России и после даже до XVIII века не было...».

— Так это ПРИ ВАС, отец, на Руси театров не завелось! А то была постановка ДО принятия вашей веры! Ну, ладно...

Как бы то ни было, князь вспомнил о представленнии только через год. Что-то произошло в его обиходе, — то ли повторная постановка Драмы Четырех Вер, то ли сниться стало что-то, — но в 987 году он созвал «бояр и градских старцев».

Общественной палате был предложен вопрос о выборе государственной религии. Владимиру хотелось заручиться внешней поддержкой, не брать риск на свою личную душу. Палата стала мямлить по обыкновению, типа, все веры хороши, выбирай на вкус. Владимир нахмурился, и старцы быстро перевели рельсы в безопасную даль:

— «У тебя есть достойные мужи, пошли их испытать предложенные веры на месте»...

Идея князю понравилась, и чрезвычайная комиссия, составленная из самых подкованных придворных, двинулась в путь по первой весенней воде. Посланники князя поехали на испытание вер.

Путь их по летописи был такой — сначала Волжская Болгария, потом католическая Германия, потом — Царьград. Церковная история категорически умалчивает о хазарском еврействе и вообще об испытаниях альтернативных вер. Типа, везде понюхали, поморщились, и быстрей-быстрей — припасть к груди Софии Константинопольской. Купол ее — кто видел — действительно похож на грудь. Только теперь, чтобы прилечь туда всем телом, нужно снести колючки магометанских минаретов, воткнутые по бокам для предохранения.

«Испытание» православия в Константинополе проходило по чисто внешним признакам. Инспекторов протащили по достопримечательностям, выдержали на литургии под Софийским куполом, отлакировали видами золоченых риз. Голодом, естественно

не морили, — византийское застолье было предметом зависти для всей Европы. Испытатели растворились без осадка. «Величественное, никогда не виданное зрелище совершенно поразило их сердце и чувства». Послы впали в транс. Так обалдевают папуасы Кука после просмотра «Властелина Колец» в моем домашнем кинотеатре.

Далее, «испытатели» к работе стали непригодны, к евреям не поехали, вернулись к Владимиру и стали нечленораздельно охать: «Не знаем, на небе ли мы находились или на земле!»...

В заключение послы поклялись Перуном, что прямо в алтаре Софии Константинопольской обитает истинный Бог.

— Ну, и каков он? Видали его?

— Ощущали...

Еще ходоки добавили, что теперь отказываются быть некрещеными, и, если князь их не возглавит в этом деле, то уходят в отставку и прочих с собой приглашают.

Князь все медлил. Тогда агитаторы припомнили ему родную бабку Ольгу, «мудрейшую из всех человеков»...

Владимир сломался на родительской слезе и спросил-таки:

— «Где приимем крещенье?»...

— А хоть где, — отвечали папуасы...

Почему церковная летопись опустила описание прочих «испытаний»? — по обычной своей белокочанной привычке.

Мы разочарованно зеваем, но тут нам на помощь приходит...

Глава 8
Код Пушкина

Здесь я делаю отступление ради научного открытия, совершенного прямо сейчас, в процессе прощупывания клавиш. Вот это открытие:

«Великая поэма А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» — не есть мелодрама с похищением невесты в стиле «Кавказской пленницы», не есть ходилка-стрелялка по летающим бородачам, а есть закодированное описание экспедиции «добрых мужей княжих» — испытателей вер».

Пушкин восстанавливает древние события, излагая их эзоповым языком ради сохранности арапской шкуры. Прочтем же «Руслана и Людмилу» внимательно, и мы увидим виды почище апокалиптических, услышим прогнозы не слабее предсказаний Нострадамуса. Итак, вот мои аргументы, и вот что кодирует Пушкин, рифмующий неизвестный источник, цитирующий анонимного «кота ученого».

Дело в поэме происходит до избрания веры, это ясно из свадебного обряда: никакого венчания, никаких молитв; выпили, закусили, языческий Лель зажигает лампаду, и все! В койку.

Исследуем литературные аллегориии.

Владимир Солнце — это Владимир и есть.

Людмила — как бы его «дочь». Код имени «милая людям» вызывает КВН-овский вопрос:

— Что есть на свете такого, что мило всем и каждому?

Команды академиков чешут репу, я отвечаю досрочно: «Душа!».

Жюри не спорит: имя «Людмила» для души самое подходящее.

И тут случается 1-е историко-архивное открытие:

Поначалу Владимир РЕШИЛ ПРИНЯТЬ МАГОМЕТАНСТВО!!! И уже начал это делать...

Чтобы доказать этот тезис, продолжим расшифровку аллегорий.

Кто есть альтернативные рыцари? — это воплощения популярных вер. Их легко распознать по именам.

«Младой хазарский хан Ратмир» — натурально, — еврей.

«Фарлаф» — скандинав — носитель северной, исконной веры.

«Рогдай» — самое гнусное имя — «дай рог», т.е., «поимей рога» — прямое указание на главного врага — католицизм.

«Руслан» — однозначно мусульманин. В его честь они до сих пор называют своих президентов и греко-римских борцов.

Итак, Владимир пировал весь в сомнениях.

«Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана
И мед из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал»...

Вы поняли?! — когда русскому человеку стакан тяжек, это, значит, он в полной прострации.

Тем не менее, отступать некуда, и Душа русского государства оказывается в постели с обрезанным мужиком.

Возникает заминка, которой пользуется темный дух, летящий на крыльях ночи. Этот дух — сомнение князя Владимира, не преодоленное медовухой.

Князь сомневается — то ли божественное удовлетворение он выбрал для Души? — и играет взад. Людмила исчезает из кадра. Руслан рвет и мечет.

Темный дух сомнения подсказывает выход, — пусть все, пришедшие по нашу Душу отправляются, куда глаза глядят. «Кто найдет, того и будет», — такая в детстве у нас была поговорка.

Вы спросите, где православный герой? Чего он не нарисовался среди соискателей?

А он всегда так, — ждет пока объявят официальное решение. Тогда и присоединяется. Поэтому, среди отъехавших православного нету, а воплощение победившего православия мы увидим позже.

Итак, нам представлены члены «испытательной» команды. Они, естественно, являются сторонниками разных вер, — как сейчас наблюдатели на выборах. Также выясняется, что сами испытания

организованы перекрестным методом, — приверженцы вер испытывают не «свои», а альтернативные религии.

1. Еврей Ратмир попал в мусульманский гарем.

«В чертоги входит хан младой;
За ним отшельниц милый рой;
Одна снимает шлем крылатый,
Другая кованые латы,
Та меч берет, та пыльный щит;
Одежда неги заменит
Железные доспежи брани...».

Короче, они его раздели, разули, повели в баню, напоили, накормили, показали танец живота. Одна делает тайский массаж, «другая соком вешних роз усталы члены прохлаждает...», и начинается невиданная групповуха, описать которую даже у меня рука не поднимается. Можете сами у Пушкина прочесть, — с него какой спрос?

В общем, Ратмир остался в гареме. Это круто по сей день. Выходит, арабо-израильский конфликт легко решается полюбовно, если товарищей из Ликуд и Кадимы запустить без охраны в чертоги Рамалы и Западного Берега. И наоборот.

2. Католика Рогдая кинули на проверку язычества. Он пал также по женской части. У католиков с этим доныне туго:

«И слышно было, что Рогдая
Тех вод русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смехом увлекла...».

3. Скандинавский язычник Фарлаф после заочной стычки с католиком оказался в грязной канаве. Этим символизируется теоретический проигрыш наивного язычества каверзному христианскому учению. Ему ничего не остается делать, как включить

на полную мощь силы родной веры. Он обращается к ведьме Наине, та выводит его к спящему в зеленке Руслану:

«Изменник, ведьмой ободренный,
Герою в грудь рукой презренной
Вонзает трижды хладну сталь...».

Вера отцов временно торжествует. Фарлаф возвращает Душу Владимиру. Князь встает,

«Спешит тяжелыми шагами
К несчастной дочери своей,
Подходит; отчими руками
Он хочет прикоснуться к ней,
Но дева милая не внемлет
И очарованная дремлет...».

Увы, изменения русской Души необратимы, ее уже не вернуть в детскую Берендеевку.

После возвращения Руслана Фарлаф разоблачен, но прощен Владимиром. Как не простить веру отцов?!

4. Мусульманин Руслан проделывает сложный путь, испытывая на прочность многообразие языческих чудес. Здесь проявляется личный интерес Пушкина. Ему — арапу в четвертом поколении, — естественно, больше других симпатичен Руслан.

Магометанство Руслана преодолевает католицизм Рогдая, уничтожает языческое рыцарство в бою с Головой, пленяет православного теоретика Черномора, рушит его великолепное — явно византийское — царство, разоблачает выряжскую культуру Фарлафа и приводит Душу русского княжества в нормальное чувство. Но и сам Руслан торжествует только в душе. Он не становится правителем Руси. Его вера задвигается на задний план. Православные греки побеждают интригой:

«Лишенный силы чародейства
Был принят карла во дворец...».

Вот вам и византийский пораженец! Он теперь все время будет у трона. А вы спрашивали, где православный герой?!

Есть ли польза от этого нашего исследования?

Конечно, есть!

По крайней мере, мы теперь точно знаем, откуда режиссер Леонид Гайдай сдул сюжет «Кавказской пленницы», как звали на самом деле Шурика, Бывалого, Труса и Балбеса. Становится также ясным, почему в наши дни фамилия владельца Горного гнезда не Черномор, а Саахов...

Глава 9
Окончательный крест

Вольными историками замечено, что война есть форма случайной связи. Очень неожиданные последствия и приобретения она порождает. Вроде бы, шел за золотом и тряпками, а получил бациллу вольнодумия. Гнал врага от стен Москвы до самого Парижа, а поимел сомнения в божественности царя и букет французских болячек.

Религиозные события тоже очень ускоряются войной, и лучше бы нам, братья, сидеть по домам и ни в какие палестины не дерзать. Все предыдущие дерзновения заканчивались соблазном и утратами. Святой Андрей после киевского хаджа скончался, Кирилл к нам приходил неосторожно — умер, Аскольд и Дир в Царьград съездили нестирильно, Ольга тряпки привезла с довеском.

Владимир тоже изменил историю русской духовности посредством военной экспедиции.

Весной 988 года княжеское войско выступило на Херсонес Крымский — «креститься». Штурм крестильной купели сходу не удался. Владимир пригрозил будущим единоверцам переморить их голодом к чертям собачьим: «Буду сидеть хоть три лета». Православные держались стойко — еда еще имелась, вода прибывала в город по водопроводу.

Осада потянулась противно и тоскливо. Голодали скорее осаждающие язычники, чем богоспасаемые греки.

— На хрен такое крещение — роптали в войске.

Наконец, мы дождались привычного небесного знамения — предательства. Из Херсонеса прилетела стрела с запиской. Человек по имени Анастас указывал врагу на устройство городского водовода. Он утверждал, что водосборные колодцы находятся к востоку от города, оттуда идут подземные трубы, легко перекапываемые за день. Пораженный чудом водопровода Владимир поклялся Небу — источнику стрелы, — что непременно крестится по взятии твердыни.

Обезвоженный Херсонес пал.

На утро после пира победителей Владимир с трудом припоминал вчерашние обещания и продолжал волынить. Он послал гонца в Константинополь с требованием — нет, не крещения, а привычного дела — баб.

— «Ваш славный город я взял; так поступлю я и с вашею столицею, если не отдадите за меня сестры своей, еще незамужней, которая, как слышно, есть у вас».

Оба императора ошалели:

— Так ты хоть крестись! А то как же нам сестренку отдавать на съедение?!

— Крещусь, — отвечал Владимир, ковыряя в зубах, — давно собираюсь, «полюбил вашу веру и ваше богослужение», — «чрез нарочитых своих мужей».

Императоры поверили заочнику и выслали царевну Анну практически на погибель.

Анна приплыла в Херсонес пострадать за родную Грецию, а Владимир продолжал волынку. Теперь он сказался больным на глаза. Типа, я невесты не вижу, как мне жениться? Вдруг она уродка?

Анна приблизилась вплотную.

Владимир ощутил, что не уродка.

Анна попросила убрать лапы, хоть до свадьбы, то есть, крещения.

Еще пообещала Владимиру полное прозрение, если перестанет блефовать. Владимир сдался.

Крещение совершал первосвятитель Херсонский с прибывшей из Царьграда командой. Естественно, Владимир прозрел с первой капли святой воды. Тут он без прищура рассмотрел Анну и заявил, что «впервые узрел Бога истинного».

Дружина в восторге полезла креститься вся.

Историк сконфуженно объясняет нам необходимость захвата Херсонеса добрыми христианскими намерениями. То есть, Владимир морил греков голодом, сшибал стрелами со стен, рубил мечами на вылазках из озабоченности крещением киевлян. Ему негде было взять утвари, икон, хоругвей для массового обряда в Киеве. Вот он и пришел позаимствовать бутафорию у крымских соседей.

Дурь — не так ли? Зато теперь мы можем столь же убедительно оправдать высадку десанта российских ВДВ и захват Севастополя вместе с Херсонесом: нам просто необходимо наполнить нашу

православную армию русскоязычными контрактниками. Чем не предлог?

Существует, правда, еще одна версия крещенских событий, которую церковный Историк отметает из-за сомнительного, арабского происхождения, а я привожу из любви к плюрализму. По этой версии, Херсонес был взят не ради церковной утвари, а просто так, — как обычный весенний трофей: надо ж было Владимиру куда-то выступить в сезоне 988 года? И как раз в этом сезоне в Византии случилось восстание Фоки. Поэтому Херсонес подкрепления не получил, а наоборот, в процессе мирных переговоров с русскими Императоры запросили военной помощи. Типа, раз уж мир навеки, так давайте дружить войсками. Владимиру было обидно бесплатно помогать побежденным, и он затребовал царевну Анну. Ее генетическая ценность была действительно высока — пять литров чистейшей императорской крови. Креститься, чтоб не замутить эту драгоценную жидкость нечистым рылом, — тоже естественно. Владимир крестился, — принял прививку из уступки брезгливым византийским эпидемиологам и ограбил (!) церкви Херсонеса. Русский отряд ушел бить Фоку. Анна вылила кровь в святых сыновей Бориса и Глеба. Все логично. Все события на месте, и порядок их более понятен.

Глава 10
Колхоз — дело добровольное

Итак, на Руси образовалась официальная церковь, остававшаяся в течение последующих 250 лет — до татар — провинциальной метрополией Константинопольского патриархата. Оттуда присылали к нам весь начальствующий состав церкви. Туда ездили с отчетом и для перемещения по служебной лестнице наши священники. Впрочем, «нашими» они были только по должности. Это все были привозные греческие попы да монахи.

Владимир пригнал из захваченного Херсонеса целую толпу тамошних служителей культа. Вывез кресты и иконы, церковную посуду и одежду, книги, всякую ритуальную мелочь — лампадки, поставцы, подсвечники, церковные кружки. Прихватил живых, не забыл и мертвых — мощи покойных папы Римского Климента и его ученика Фива тоже оказались в русских телегах.

«Крестовый поход наоборот» окончился триумфальным въездом в Киев — первый русский Иерусалим. Началась решительная переориентация русских душ.

Владимир лично крестил своих сыновей в источнике, бившем на нынешней главной улице, названной поэтому Крещатиком. Отец Макарий насчитал у Владимира 12 новокрещеных сыновей, но это ошибка. 12 сыновей у князя стало с рождением Бориса и Глеба, а им только предстояло родиться.

Следом за мальчишками в омут Крещатика бултыхнулось придворное боярство. Тут тоже натяжка. «Боярин» — «боевой человек» наверняка должен был сопровождать князя в боях. И попробовал бы он отвертеться от крещения в Херсонесе! Очевидно, речь идет о киевских сидельцах — штатской сволочи, чиновных толстяках. Эти крестились верноподданно и поспешно, — единство с властью для них и тогда было главным фактором бытия.

«Добровольность» крещения наблюдалась поголовная. Все происходило вполне благообразно. Выходишь утром на крыльцо

почесать свое мировоззрение и видишь древнерусскую благодать. На ближних холмах дворцовые люди валят под корень перуновы столбы, клянут деревянную веру звонкими комсомольскими голосами. Ты, естественно, поспешаешь от греха — тоже вступаешь в модную партию.

Отец Макарий дальше снова лукавит: Перун, низвергнутый в Днепр будто бы вызвал у киевлян не только слезы сожаления, но и разочарование в бессилии бывшего божества. Перун никак не среагировал на новый порядок, не жахнул молнией, не хохотнул громовым голосом. От этого непротивления киевляне якобы стали очень охотно креститься...

Потом народ пригласили на площади и зачитали ему первые проповеди. Увы, по-гречески. На проповеди вышли не все. Кое-кто затаился за печкой: авось пронесет! Этих выковыривали адресным обходом. Но зачистки оказались неэффективны, видимо, в результате круговой языческой поруки. Тогда Владимир назначил конкретный день и час для окончательного крещения с указанием мер пресечения. Запомним эти слова. В них секрет нашей тысячелетней «добровольности», десятивекового «единства»:

«Аще кто не обрящется заутра на реце, богат или убог, или нищ, или работен, противен мне да будет!».

«Слова глубоко уважаемого монарха произвели полное действие»...

И как бы они его не произвели, когда ясно стало и ежу, что опротививший князю, сопротивляющийся богатый удостоится конфискации, с убогого и нищего снимут последние шкуры, а «работен» не отбоярится даже справкой о государственной важности его работы.

«И не осталось в городе ни одного человека, который бы воспротивился воле князя».

Конечно, не осталось, потому что некоторое количество киевлян по сведениям гражданских летописей обнаружилось в лесах и при оружии.

Церковное описание самого крещения так же отличается от летописи Нестора, как афганские репортажи ТАСС от передач «Радио Свобода». У Макария народ просто вопит в обуявшей радости, у

Нестора мрачные люди окунаются в воду под конвоем ограниченного контингента дружинников.

Соответственно, и в другие города Руси крестить поехали со спецназом. Новгород, например, пал в 990 году под ударами войска Добрыни Никитича и херсонесского предателя Анастаса. Сообщение о боях в Новгороде из Летописи мирской в Летопись церковную взято не было — за ненадобностью.

Потянулась многолетняя эпоха православного просвещения. В Киеве уже и крестить было некого, кроме новорожденных, а на провинцию все не хватало рук и гарнизонов. Особенно туго шло дело в финской Руси — там, где сейчас появилась Москва, а тогда уже были Ростов и Владимир.

Но постепенно, где огнем, где мечом, где непонятным добрым словом Русь крестили всю. Это было формальное крещение, потому что народ находился по словам отца Макария «на низшей ступени образования» и не врубался, чего от него хотят и куда он вступает. Макарий даже сравнивает нас с американскими индейцами, столь же туго принявшими крещение огненной водой и скорострельными трубками.

В принципе, до смерти Владимира в 1015 году был получен достаточный охват населения. Язычество ушло в подполье, самые упорные берендеи съехали в леса на партизанские стоянки. Можно было заниматься любимым делом — созданием церковной иерархии, рассадкой священников по приходам.

Глава 11
Строительный бум

От князя прошел приказ строить церкви, причем обязательно на тех же местах, гда стояли Перуновы столбы. Хотелось использовать фактор привычного места. Так и ныне универсамы открывают в бывших гастрономах. Не важно, чем торговать, лишь бы покупателей не убавлялось.

Князь Владимир лично взялся за топор. Как Петр Великий, рубил свои «корабли» с крестами на «мачтах».

С восточной стороны теремного двора Владимир поставил церковь святого Василия — в честь своего ангела. Это было самое гадкое место, — несколько лет назад здесь же и с таким же энтузиазмом князь ставил золоченые статуи языческого пантеона: Перун, Симаргл, Мокош, Хорс, Стрибог...

К западу от терема поставили церковь Пресвятой Богородицы в честь Иоанна и Феодора — варягов, павших жертвой, но не давшихся в жертву. Храм Богородицы строили греческие мастера, князь вывалил на нее гору золота и серебра. Размер строения достигал в плане 24x16 сажен (48x32 метра), пол был устлан красным шифером, мозаикой из мрамора, стекла, ценных пород камня, мраморные колонны с капителями подпирали хоры и купол, — просто чертог Черномора!

Устроили пир на весь мир. День освящения церкви 11 мая был объявлен первым русским церковным праздником. В разгар праздника возбужденный князь объявил, что жертвует на храм Богородицы десятую часть от всех своих личных доходов. То есть, Владимир отвалил 10% госбюджета на содержание главной государственной церкви. Из-за невиданной щедрости князя в наши дни возникло и распространилось заблуждение о «церковной десятине». Будто каждый крестьянин и горожанин должен был при царской власти отдавать на церковные дела десятую часть своих доходов. Нет, это князь отдавал десятину, а мы платили по-прежнему — все, что не успевали спрятать.

Тем не менее, с первого дня существования храм Богородицы в Киеве стали называть Десятинною церковью. Здесь опять проявились наши информационные предпочтения: не важно, в честь кого с нас берут деньги, важно — сколько берут. Народ также сохранял и чтил память поверженных богов: церковь, построенную на месте истукана бога Тура, называли Туровскою, а в честь какой богоматери ее проектировали, никто не запомнил.

Владимир лично построил еще пару церквей, а уж прочие россияне ставили их без счету. Как обычно меры не знали, считать тоже умели со сбоями, поэтому киевских церквей в те годы насчитывают кто 700, кто 400, кто 40.

Церковное строительство стимулировалось военными обстоятельствами. Существовала примета, что если пообещать Богу или Матери храм каменный, церквушку деревянную или хоть часовенку, то исход битвы может быть более благоприятен, чем просто так.

Князь Мстислав Владимирович, сойдясь один на один с касожским богатырем Редедей, имел мышечную массу намного меньше, чем у степного вождя. Естественно, Редедя стал одолевать. Мстислав пообещал Богородице храм. Редедя ослабил хватку. «Каменный...», — повысил ставку Мстислав, и Редедя поехал ногами. Поднять его, ударить о землю и прирезать, как свинью, — было делом техники и божьей помощи.

Воевали непрерывно, просьбы о поддержке с флангов летели в небеса сплошным потоком. Те, кто оставался жив, старались долги возвращать. Строительство церквей процветало.

Ярослав Мудрый за победу над печенегами построил главный храм тогдашней Руси — Софию Киевскую. Возможно, что Мудрым его стали звать не за начитанность и законотворчество, а именно по этой церкви. «София» — «мудрость» по-гречески. София Киевская копировала в миниатюре свою Константинопольскую тезку.

В те годы, как и ныне, народ был готов к задержкам зарплаты и просто кидалову. Поэтому для строительства церквей рабсилу набирали с трудом. На Георгиевской церкви работы почти остановились, пришлось Ярославу пригнать на базарную площадь телеги с «деньгами» (куньими шкурками) и выдавать плату желающим

строить по курсу 12,5 копеек серебром в день. Народ сбежался сразу, церковь построили бегом...

Плохо, что сейчас чиновник в душе не верит ни Божьей, ни Чертовой матери, а то за счет карьерных молитв мы бы легко решили все проблемы жилищного строительства...

Церковное строительство тоже стало на Руси проблемой неразрешимой. То есть, его никак не получалось завершить окончательно: — церкви горели столь же успешно, как и простые избы. Они почему-то не обладали неопалимостью Библии епископа Михаила. Приходилось строить заново, освящать еще крепче.

Храмы нуждались во внутреннем убранстве, поэтому список популярных военных приобретений пополнился церковными предметами. Но икон все равно не хватало. Поэтому настенная роспись по сырой штукатурке использовалась не реже, чем в Италии.

Можно до бесконечности приводить сохранившиеся сведения о количестве, убранстве, архитектуре церквей, но так и не добраться до главной, краеугольной мысли, засевшей где-то в глубокой подкорке:

«Для чего все это затевалось?».

— Как, для чего? Для небесного покровительства, для военных побед, для государственного благополучия!

— Да? А я думал, для другого...

Глава 12
Анатомия любви

Особую любовь православных вызывают мощи святых. Это самая крутая святыня, самый эффективный инструмент воздействия на живое воображение. Мощи — такая страшная штука, что хочется посвятить им особую главу.

Что есть мощи? Это куски мертвого тела, руки, ноги, голова, любая «малая частица» мертвой плоти. Чуть ли не ногти с перхотью. Важно, что принадлежать мощи должны праведнику, святому. Илья Муромец, например, лежит в Киево-Печерской Лавре вообще целиком.

Философия мощей покоится на трех посылках. Две из них — общепринятые, одна — моя, безответственная.

Исходный смысл мощей таков.

Во-первых, они нетленны. То есть, лежат себе на открытом воздухе без всякого бальзамирования и не портятся. Только каменеют и чернеют помаленьку со скоростью ядерного распада углерода. По тленности или нетленности мощей легко отличить покойного праведника от мертвого грешника. Для такой проверки в православной традиции трупы положено выдерживать без погребения хоть три дня. Другие религии предписывают хоронить покойников побыстрее — до захода солнца. А то и вовсе жечь, спуская пепел в воды Ганга.

Нетленность дается не всем. Ее процент неизвестен. Он вряд ли выше процента Героев СССР и России, других почетных покойников, достойных мраморных досок. Так что, нетленность — верный признак святости. Нетленность является элементом Чуда, которого мы ждем повседневно.

Второй ипостасью мощей можно считать их наглядность, предметность. Икона, фреска, мозаика, бабушкины сказки на ночь — это все вещи суетные, человеческие. Каждый может сеятеля в нимбе нарисовать. А мощи — дело другое. Смотришь на кость и до дурноты понимаешь: это в натуре был такой человек! И его за какие-то добрые дела порубили на части. Я два раза пытался подходить к витринке в

питерской Кунст-камере, и оба раза меня косило под корень. Хорошо, что там лавочки есть. Мощи в витринах, получается, были неправославными. А то я испытал бы восторг, какой испытывали древние славяне при виде черепа папы Климента:

«Тобою русские князья хвалятся, святители ликуют, иереи веселятся, монахи радуются, люди добродушествуют... Поистине твое честное тело лежа, аки солнце, просвещает вселенную».

Третий мотив мощей я подозреваю такой. В доверчивом сознании легко выстраивается логическая цепь: вот Христос живой, — вот — распятый, отдавший Богу душу, — вот — нетленно пролежавший в пещерке трое суток, — а вот снова путешествующий по стране, как ни в чем не бывало! А эти мощи, тоже святые, — вдруг, как вскочат! — как оживут! — как пойдут расхаживать! Страшно! Так покайтесь же, грешные! Замрите! Работайте со страхом!

Мистический ужас — самое грозное психологическое оружие, его носитель — мощи нетленные. Мне так кажется.

Новорожденная Русская церковь не могла насытиться импортными мощами. Следовало открывать свои. «Открывать» мощи — дело тонкое. Мощи распознаются не сразу. Как правило, сначала тело, подозреваемое в праведности, предается-таки земле. Потом по прошествии времени, в связи с каким-нибудь пристойным поводом — перезахоронением, строительными работами, происками черных копателей — его как бы нечаянно беспокоят, и обнаруживают: лежит, как новенькое!

Первыми на Руси, естественно, были «открыты» мощи первопроходцев — святой Ольги и ее правнуков — Бориса и Глеба.

Тело Ольги потревожил сам Владимир святой. Он решил перезахоронить бабушку с днепровского бугра под сень Богородицы — в Десятинную церковь. Церемония совершалась в несколько этапов. Сначала Владимир совещался с митрополитом Леонтием. Вдвоем вопрошали о благости мероприятия. Бог не возражал. Потом «подвизаемые» Богом Владимир и Леонтий назначили день перезахоронения. Собрали всенародный крестный ход, вынесли основные иконы. Перед каждой курили фимиам.

Процессия вышла в чисто поле, где в одинокой могиле покоилась Ольга. Разрыли могилу. Вытащили гроб. Откинули крышку...

Мама дорогая! Тело княгини лежало «совершенно целое, неповрежденное, не изменившееся вместе с одеждою», так что князь, митрополит и все госслужащие, «пораженные чудом, обливаясь слезами живейшей радости... поспешили облобызать святые мощи».

А ведь это был уже 1007 год! Ольга скончалась в 970-м, почти сорок лет тому! Короче, она прошла проверку на мавзолейное содержание.

Тело Ольги переложили в новый деревянный гроб, который в свою очередь вложили в каменный саркофаг Десятинной церкви.

От мощей очень ждали Чуда, его так недоставало на Руси! Мощи стали исцелять хромых и нервных, но этого у нас и без них хватало, — еще не всех колдунов перебили. Хотелось Чуда настоящего. И Ольга выдала его с прибором!

Этот древний прибор можно считать аналогом современного детектора лжи.

Поскольку нетленность Ольги нуждалась в наглядности, а хрусталя тогда не знали, то в верхней части гроба было прорезано окошко, прикрытое шиферной крышкой на петлях. И вот же Чудо! Стоило войти в Десятинную церковь праведнику, крышка со скрипом откидывалась, и нетленный лик святой представлялся на обозрение. А входил человек грешный, крышка хлопала обратно. Отец Макарий видит в этом намек: раз ты грешен, аки пес, — так тебе светит не лик нетленный, а чистый гроб!

Агрегат Ольги исправно действовал до татар — 230 лет! Татары церковь сожгли, но тело от них было спрятано в подземельях. Его вернули в новую церковь, построенную на том же месте. Правда, грехометр воссоздан не был. Само тело пропало еще через 400 лет — в смутные времена воссоединения Украины с Россией.

Хотелось приобщить к нетленности других членов княжеского рода, и Владимир приказал похоронить в Десятинной церкви кости убитых ранее братьев Ярополка и Олега.

— Так они ж некрещеные?!

— А вы их окрестите... посмертно!

С тех пор и завелась на Руси традиция посмертных званий и наград.

Десятинная церковь и земля вокруг нее стремительно наполнились костями княжеской родни и киевского начальства...

Святых Бориса и Глеба убили по приказу их сводного брата Святополка Окаянного. Резня разворачивалась вокруг наследства князя Владимира в первые дни после его смерти.Святость убиенных состояла в их непротивлении. Оба знали, что их должны убить, и оба расслабились, вместо чем спасаться.

Бориса сами убийцы похоронили с почестями в Вышгороде. Глеб ехал проститься с отцом, и его перехватили по дороге. Хоронить вовсе не стали, тело было зажато между двумя колодами — половинками расколотого бревна. Я все-таки думаю, что это была попытка погребения, и половинки были долблеными, иначе, зачем убийцам вообще было руки марать? Глеб пролежал в буераках 5 лет. В 1019 году воцарившийся Ярослав Мудрый послал искать тело брата. Искали целый год. Нашли совершенно целым, не объеденным зверьем, вообще не испорченным на свежем воздухе. Его торжественно отвезли в Вышгород и зарыли рядом с братом.

На могилах стали происходить некие «чудеса и знамения». В чем они состояли, летописцы почему-то не передают. Лопухи! Я бы первым делом описал содержание знамений, а уж потом разорялся, как благостен крестный ход при тихой погоде.

Не донесли о чудесах и князю. Ярослав узнал о них случайно, когда к нему пришли с докладом о пожаре Васильевой церкви под Вышгородом.

— Не велишь ли, батюшка, отстроить церковь вновь, а то место там больно святое, чудоносное...

— Что за чудеса?

— На могилках братьев твоих знамения бывают...

Был срочно вызван на ковер митрополит Иоанн. После вздрючки крестный ход из Киева чуть не бегом бежал. Сам князь в Вышгород не поехал, так что Иоанн потом клялся, что тела в гробах, — истинный крест! — были нетленны. Их выставили в особых клетках по праву руку от пепелища, и в первую же ночь получили пару новых Чудес: хромой и слепой, ночевавшие у клетки и подглядывавшие на святых через решетку, к утру стали совершенно годны к строевой.

Над клеткой построили большую, великолепную церковь. На освящении 24 июля Ярослав смог и сам наблюдать дежурное Чудо. Некий «хромой» к мощам шел с клюкой, а от мощей отходил уже

симметрично. Еще об одном Чуде князю доложили на ухо — из местной тюрьмы непостижимым образом разбежались зэки...

Борисоглебская церковь получила из вышгородского бюджета особую десятину, на которой продержалась до 1072 года.

Ну а что же сам святой Владимир? Как там его мощи поживают? Должны они были сохраниться в мраморном гробу? Святополк Окаянный мраморный гроб для отца отдельной строкой в летопись диктовал!

А вот и увы! Неблагодарными оказались православные россияне. Летописцы Нестор и Иаков горько сетуют на нелюбознательность современников. Прах Владимира пролежал без анализа в саркофаге Десятинной до татар, вместе с прахом святой Ольги скрывался в подвалах и был опознан «по надписи» только в 1635 году. Тут гроб, конечно, вскрыли, но эффект был не тот. От возможной первоначальной нетленности за 620 лет не осталось и следа. Скелет разобрали на части, — имеется даже церковная опись этого расчленения. Московскому Успенскому собору, например, досталась нижняя челюсть...

Глава 13
Главная роль второго плана

С анатомией понятно, а где же Любовь?

— А вам любви надо?

— Да, желательно. Христианство имеет две главные опоры — Любовь и Равенство тварей Божьих. Именно, по этим двум причинам оно и распространилось по свету. Любовь и Равенство — это два аванса, которые христианский Бог выдал в эфир для привлечения вкладчиков. Мы вложили наши Души в это дело, и теперь ждем отдачи...

Обманутые вкладчики смотрят бородою в небо, и мы соглашаемся с ними. Ведь, действительно, Христос пошел на Голгофу за Любовь к ближнему, за нестяжательное Равенство, за царство Божье на земле.

Народ подумал, что в перспективе, при хорошем поведении ему светит условно-досрочное освобождение от греховных тягот, то есть, не надо будет ждать Страшного Суда и вертеться перед Судьей, как уж на сковородке.

Идея Райского сада манит нас неодолимо. Правда, некоторых смущает парадокс: если в результате всеобщей Любви мы вернем себе непорочное пребывание в Раю, то как же быть с Любовью, как мы там ею будем заниматься? Непорочно? — это как?были Вышло у нас по-дурацки. Мы хотели Любви, а государство, — классический инструмент насилия, — нуждалось в «охране правопорядка». Мы бунтовали против олигархов, — государство делило с ними наши деньги. Мы мечтали о Любви в главной роли нашего спектакля, — государство тащило на сцену приблатненных примадонн. Вот оно и состроило нам козью морду в лице государственной церкви. Император Константин Великий ловко смекнул, что именно такая завлекательная религия очень подходит для его имперских знамен. Есть в ней одна удобная зацепка — монотеизм. Бог тут, понимаете, всего один. Очень удобно им управлять. Не то что в язычестве, где Боги разбегаются, как тараканы, и норовят примкнуть к

противоборствующим партиям, где каждый писатель при наличии фантазии может сочинить собственного Бога и опубликовать его приметы.

Если бы Христос знал, что его движение возглавит Римский Император, он бы, — зуб даю, — увернулся от креста, повременил возноситься и долбил бы имперские устои еще активнее. Или сразу бы помер, от инфаркта...

К нам, русским, в отличие от римского плебса, христианство пришло не от блаженного сердца, а именно от кесаря. Он его для самодержавного централизма назначал. Мы, русские, копируя из Византии все до последней оборки и опушки рукава, взяли, естественно и религию Любви. Вот и занимаемся с нашим переменчивым государством этой Любовью. То мы его, — то оно — нас.

Когда вы покупаете какую-нибудь импортную штучку, вы первым делом смотрите в инструкцию, в User manual, требуете, чтобы инструкция была на русском языке и читаете, куда ваше приобретение удобнее всего вставлять. Владимир, приобретая христианство, не расчитывал, что это — прибор для Любви. Не было об этом указаний в сценах избрания веры. Без любви он и с Херсонесом обращался.

На обратной дороге Владимиру подали памятку для вступающего в христианство — типа заповедей юного пионера. Памятку написал в 835 году грек Михаил Синкелл, и Владимиру сделали с нее беглый, походный перевод. Документ назывался «Символ Веры». Вот его краткие пункты — догматы. Их всего пять, для электромясорубки и то больше пишут.

Догмат 1. «О Пресвятой Троице» излагает, кто в этой троице есть кто, кто в кого превращается, у кого какие свойства: «Где Отец, там и Сын, и Дух Святой... Не три Бога, но един Бог». Это все подробно препарируется, чтобы мы случайно не подумали, что Троица — это Отец, Сын и Мать.

Догмат 2. «О воплощении»передает схему непорочного зачатия с использованием суррогатной матери. «По хотению Отца и Духа Сын Божий, не оставляя отеческих недр, сошел спасти свою тварь, вошел в девические ложесна пречистые, как семя Божие, и приняв плоть... исшел Богом воплощенным,... соделавшись нам подобным по всему, кроме греха...».

Догмат 3. «О крестной Смерти, Воскресении, Вознесении на небеса и Втором пришествии Спасителя» утверждает, что вся драма с распятием закончится еще одним плотским пришествием Христа для Суда над всеми нами. Узнать Спасителя мы сможем по дырочкам от гвоздей и ране от копья, ибо «как восшел со своею плотию, так и снидет».

Догмат 4. «О святых таинствах Церкви»внушает веру в чудотворность святой вводы, и что церковное вино и хлебцы — это точно плоть и кровь Христова. .дет».ырочкам от гвоздей и ране от копья, ибо «как восшел Христа для Суда над всеми нами.

Догмат 5. «О церковных преданиях». Это пункт чисто технический — о поклонении всему, что показывают в Церкви, — мощам, крестам, иконам, сосудам и проч.

О Любви в инструкции ни слова.

Князя Владимира это не смущало, он вполне справлялся и без Любви. Для укрепления в православии Владимиру вписали в Символ Веры так называемые «наставления» — от местных, придворных попов. Ему рекомендовалось пользоваться только партийной литературой — постановлениями Семи Вселенских Соборов; особо указывалось на вредоносность любой информации, поступающей от латинян.

Тем временем, рядовая паства в провинциальных церквях начала волноваться: «Где же Любовь?!». Тогда Новгородский епископ Лука Жидята — первый этнический русский иерарх — написал Поучение, выдержанное в добродетельных тонах. Он кратко пробежал по необходимости веры в Троицу, и тут же обратил наше внимание на Любовь. Лука просит нас любить всех подряд, особенно ближнюю братию, не рыть яму другу, прощать обидчиков, хвалить добрых людей, не судить, миловать, к себе относиться самокритично. Не красть, не лгать и т.д. — по заповедям Христовым.

Вот и все. Любовь есть! Она досталась нам — простому народу, а в государственном ухе не задержалась.

Эта библиография вполне объясняет, почему христианские проповеди Любви отнюдь не звучат в древних преданиях в качестве мотива действия царей и князей. Всем понятно, — не для Любви они нас строят, не по Любви казнят.

Короче, Любовь оказалась в нашей церковно-государственной конструкции на втором плане, за рядами дружинников, за спинами князей, где-то на изнанке знамен с ликом Спаса.

В такой позе Любовь у нас и поныне.

Глава 14
Два престола власти

Приняв христианство, пригласив на Русь большое количество греческих священнослужителей, наши князья обнаружили неприятный парадокс. Вроде, вот — ты, Великий Князь по определению всем владеешь и управляешь, ты — самый светлый, великий, умный; ан нет! — вот у твоего трона толпа черноризцев; и каждый, собака, читает быстрее тебя, пишет красивее и грамотнее, говорит живее, думает сложнее! А вот они уже и управляют тобой! — туда нельзя! — по средам и пятницам — пост, по таким-то датам тоже пожрать не получается; любовь к женщине равняют с любовью к жирной пище, — чуть не в постель лезут с проверками! Причем, подчиняются не тебе, а Константинопольскому патриарху, за спиной которого маячит Император. Получается у тебя не церковь Божья, а иностранная неправительственная организация с разветвленной резидентурой, которая, тем не менее, финансироваться норовит не из-за бугра, а из твоего карманного бюджета!

Едва князь Владимир отстегнул на Десятинную церковь 10% своих доходов, как к нему тихо подошли и развели, как лоха!

— Ты, — говорят, — князь, нам десятину СВОИХ доходов обещал?

— Ну?

— Значит, и десятина от ТВОИХ торговых сборов — тоже наша?

— Ваша.

— То есть, правильно мы понимаем, что девять недель на базаре твои тиуны распоряжаются, а в десятую неделю — мы?

— Распоряжайтесь, чего там...

И когда к Владимиру прибежали и стали жаловаться, что в десятую неделю базарных воров и недоимщиков казнят епископские люди, князь нахмурился, но попустил это дело. Стар был батюшка. Пришлось Ярославу Мудрому впоследствии этот захват отменять. А то совсем оборзели, скоро им десятый километр госграницы захочется!

Ярослав Мудрый вообще довольно многое отобрал у новорожденной церкви. Он как раз писал свой гражданский кодекс «Русская правда», и ему очень смешным показалось, что здорового человека судит княжеский суд, а больного — уже церковный. То есть, подследственный очень легко может закосить под убогого и перескочить туда, где меньше светит. Церковный суд, и правда, был тогда полегче, — существовала четкая такса «выкупа вины», а физических наказаний церковь не назначала вовсе.

Стоило Ярославу поправить законодательство в части церковных прав, как на него посыпались стоны о скудности владык и служб. Тогда Ярослав начал компенсировать «убытки» из своего кармана — жертвовал на церковь, что попросят. Но денег все не хватало, и в течение нескольких лет на Руси завелась традиция «пользоваться добровольными приношениями прихожан», чего поначалу стеснялись.ладык и служб. вовс От Владимира церковь удерживала широкие права по преследованию язычников. Вот, например, шпионы доносят, что ты «молился под овином, или в роще, или у колодца», то есть, присел отдохнуть с умиротворенным лицом, — и тебя уже волокут к епископу на суд. Еще церковная братия контролировала меры веса, объема и прочие физические эталоны. Оно и правда, — кто у нас тогда в цифири разбирался? Так что, церкви было отдано и все научное поле.

Первоначальное влияние церкви доходило до абсурда. Вот приходят к Владимиру епископы и начинают давить, чего он столь милосерден к разбойникам — берет за убийство денежную компенсацию.

— Боюсь греха, — отвечает легковерный князь, — вы же сами говорите: «не убий!».

Эти начинают вертеться:

— Ты на казнь злым поставлен от Бога, тебе следует казнить разбойников!

— А как же моя душа? — ноет князь.

— А ты казни с «испытанием».

Стали пытать заключенных для спасения княжеской души. А уж потом «казнить смертию».

Через некоторое время приходят те же учителя и уговаривают вернуть все на старый, языческий лад.

— С чего это вдруг? — удивляется князь.

— Да понимаешь, доходы казны снизились, а нам как раз оружие и коней закупать — печенеги у ворот!

Вот вам и мораль христианская, — что дышло.

Короче, с приходом на Русь православия начался длительный, многовековой период подспудной борьбы, возни под одеялом между церковью и государством. Церковь резонно полагала, что Духовное в ее лице — первично, а Материальное, мирское, казенное в лице князя — вторично и должно подчиняться власти духовенства. Как католические короли подчиняются власти Папы.

Но у нас эта ползучая революция не прошла. То есть, не пролезла.

В литературе можно обнаружить некую границу, разделяющую церковную власть на две половинки — влияние духовное, мистическое, и влияние прагматическое. Первое церковь удерживала достаточно прочно, второе — с переменным успехом. Но фокус состоит в том, что и поныне внутри самой власти, будь она церковной, будь светской, имеется грань преображения; все понимают: мистика — мистикой, душа — душой, официальная мораль — моралью, а жизнь конкретная — сама по себе. Со всеми ее прелестями, войнами, взятками, грабежами, казнями, ненавистью, сволочной мстительностью. И ничего страшного! Чем больше наубиваешь младенцев, тем легче выжать из собственных желез покаянную слезу. Чем страшнее награбишь, тем больше пожертвуешь церкви во спасение души. Оборотни в коронах с подающей стороны. Оборотни в ризах — с берущей.

Короче, церковь оказалась удобным экстрасенсорным инструментом: красивый антураж, четкая иерархия, стройная философия, контроль массового сознания, возможность оправдания любых конкретных действий, то есть — универсальное моделирование и гибкое толкование ситуаций во власти и вокруг нее. Одно плохо, — кроме претензии на управление совестью, церковь неизменно претендовала и претендует на управление всей жизнью вообще. Эти претензии в русской истории удовлетворялись с переменным успехом. Можно даже научный график начертить.

По оси Y откладываем процент владения властью, — как в футболе откладывают процент владения мячом, — а по оси X — наши скорбные годы, все одиннадцать веков. Кривая церковного владения

вскакивает в 988 году мелкой шишечкой, достигает формальных 10%, и потом вьется тонкой змейкой, то подскакивая вверх, то спадая до нуля. Подскоки можно наблюдать в правление особо набожных персон типа Андрея Боголюбского, Алексея Михайловича, Бориса Годунова, Михаила Федоровича. А спады церковного влияния (в годы реформации практически до нуля) — при Лжедмитрии, Петре I, Петре III, вообще — в Новое время.

Вся практика княжения и царствования на Руси показывает, что по-настоящему, до обморока, до принципиальной пылинки, до самопожертвования на гвоздях почти никто во власти в Бога не верил! И если случались отдельные порывы у отдельных персон, то в перемешку с обычными грешными делами. А чтобы непрерывно, от первого осмысленного поступка — до последней исповеди, в сплошном милосердии, — это нет, не наблюдается. Нет этого в должностных инструкциях царей и президентов.

И здесь возникает вопрос: но мы-то, — простые русские, — в Бога верили исправно? Православие вошло в нашу жизнь, культуру, мораль?

Вошло. Отдельно от государства. В значительной степени — отдельно от церкви, и, кажется мне, — очень отдельно от исходной еврейской сказки про Парня Распятого.

Глава 15
Скромный набор Чудес

Итак, христианство сделало шаг на север, резко увеличило территорию Любви и Мира. Резонно было полагать, что христианские, или хотя бы православные народы должны жить в Любви и Мире друг с другом?

Ну уж нет! Нам воевать охота! А с кем — все равно, лишь бы добыча получалась.

В 1048 году православная Византия вероломно напала на православную Русь — свою младшую сестру в семье народов Христовых. Неожиданность агрессии была ошеломляющей. Князь не успел провести мобилизацию и выслал навстречу вражеским отрядам отборную дружину и все наличные войска. Любимый воевода Ярослава киевский дружинник Вышата и 800 богатырей сгоряча попали в плен.

Милостивый Император Византийский велел выколоть русским братьям глаза и пустить их восвояси. Пришествие Вышаты и 800 его слепцов в Киев вызвало у населения обморочный шок. Впору было отказаться от морока фашистской Греции, вернуться к родным Богам, отомстить грекам по этническому признаку. Ответить им оком за око — по новенькой «Русской правде». Но промедлили. От стыда ли, или от старости, но скончался только один грек — митрополит Киевский Феопемпт.

Русскому Православию на тот момент было лет 70. Мы такие режимы скидываем легко. Но в тот раз не стали. Единственное, что позволил себе мудрый наш князь, — это бросить пресмыкаться перед Константинополем. Он решил без спросу назначить своего митрополита. Нечего в рот живодерам смотреть!

И вот, в 1051 году митрополитом Киевским был прямо на месте избран Илларион. Он даже утверждаться не поехал. Так что, власть Константинополя над нами снизилась до уровня заката Золотой Орды. За утверждением послали заочный, письменный запрос. Благополучно

его получили. А еще в извинение за 801 ослепленного были присланы три константинопольских певца — учить нас, придавленных на ухо, складному церковному пению. С тех пор пение стало у наших слепых основным занятием.

Отношения с ослепительным Царьградом восстановились, и после Иллариона к нам снова стали присылать греческих митрополитов, но они на русский вкус казались какими-то вялыми. Сестра Владимира Мономаха поехала в 1089 году навестить греческую родню по материнской линии и привезла к нам Иоанна III. Мы вышли встречать нового митрополита, но оказалось, что он мертвый какой-то, туповатый, косноязычный. Церковное начальство оправдывало недостатки Иоанна кастрацией, будто бы совершенной в невыносимой борьбе с происками плоти, но мы этого объяснения не приняли. Иоанн скончался через год безо всякого авторитета.

Единственным, что извиняло в наших глазах назначение преосвященства из-за границы, было ожидание привозного Чуда. Должны же были нам, в конце-концов, показать что-нибудь широкоформатное под Dolby surround?! Наш Перун регулярно гром и молнии метал по 120 децибелл!

Но нет. Все чудеса митрополитов и епископов ограничивались возведением монастырских стен, размножением вручную служебных книг и сбором пожертвований во имя Господне.

Случались скорее античудеса. То в 1123 году принародно красиво рухнула церковь в Переяславле, то там же была построена невиданная каменная баня.

В общем, реальные Чудеса нам не показывали; в лучшем случае о них сообщали устно. Святой епископ Новгородский Никита, например, рассказывал, что чудесным образом избежал жестоких искушений плоти, понятных при пострижении с юных лет. Однажды в Печерской обители к нему явился светлый ангел. Никите показалось, что это шикарная блондинка с объемным местом для креста, но при ближайшем ознакомлении, выяснилось, что это не кто иной, как лично Диавол!

Дьявол сказал, что нечего тебе, пацан, глупостями при свечах заниматься, займись наукой — у тебя голова светлая!

Так Никита и поступил. Бросил стучать головой в пол, стал читать ветхозаветные и прочие доступные книжки, начал принимать мирских

посетителей, давать им житейские советы, изрекать предсказания, приобретать таким образом суетную славу. Но вот что странно! В любых науках ему не было равного, с любым ученым он вел дискуссию на убой, но только речь заходила о Евангелии, как Никиту начинало корчить изнутри, от печенки или наоборот — от селезенки.

Пришлось парня спасать. Целый сонм праведников в составе игумена Никона, Исаакия-святого, Григория-чудотворца, Матвея-прозорливца, знакомого нашего Нестора-летописца и прочих уговаривали монашка отречься от Искусителя. Групповой сеанс помог. Никита вышел из кельи дурак-дураком, «внезапно лишился всех знаний» и стал по-новой мычать аз-буки-веди, осваивать основы иноческой жизни. А вы говорите, нет чудес!

Самые чудеса происходили на почве именно церковного строительства. Вот приезжает в Муром — в наше языческое сердце — князь Константин Святославич. До него здесь благополучно угробили святого мученика князя Глеба Владимировича. Естественно, Константин пришел с войсками. Его сын Михаил поехал в город договариваться, но договаривался слишком гордо, и тело его вскорости спланировало со стены. Войска взяли город в кольцо. Муромчане взвесили соотношение пехоты, конницы и согласились сосуществовать полюбовно. То есть, ты нам — князь, но церковь твою — на хрен. Константин с хреном согласился, вошел в город, захватил все опорные точки и стал в нарушение пакта строить церкви. Вся работа по управлению городом свелась у Константина к уговорам городской верхушки: «Когда же вы, черти, вступите в нашу веру?».

Муромцев достали окончательно, и они взялись за дубье. Мысль была такая, чтобы князь, все его прожорливое семейство и наглые греки шли к своим чертям поздорову.

Но тут Константин одел парадные одежды, попы тоже принарядились, они стали красиво петь, вышли к «бесчисленному сборищу бунтовщиков» с иконой, и дикари в неопознанном ужасе попадали наземь, как пшеница под залпами Перуна.

— Крести нас, отец! — будто бы выли зомбированные муромцы...

Таковые же чудеса, явно списанные друг у друга, приводят еще несколько церковных просветителей.

Более-менее приличное Чудо случилось-таки на родине нашего Православия — в Херсонесе. В 1095 году половцы разгромили Киево-

Печерский монастырь и всю братию во главе с преподобным Евстратием продали херсонскому еврею. Этот достойный человек захотел улучшить свойства товара для перепродажи и стал принуждать Евстратия и 50 его сострадальцев к отречению от веры. За это церковный Историк далее зовет еврея не иначе как «жидовин». И вот, значит, на категорические требования Жидовина Евстратий гордо отвечает, что лучше нам сдохнуть, — ты нас все равно не кормишь, — чем подчиниться наглому наезду.

— Ну, как хотите, — сказал Жидовин, — мне расходов меньше.

Но перестарался гадюка! Товар с голодухи испортился весь. Ну, почти весь, потому что в камере к утру, кроме Евстратия, ни одной живой скотины не обнаружилось.

Жидовин рассверепел уже чисто экономически. Евстратий был распят на кресте. Уж в кого рядился иудей, нам не написали, типа представлялся на своей доморощенной Голгофе Каифой или пилатчиком недорезанным, но лично вонзил в грудь Евстратию копье римского образца. По сценарию Евстратий должен был воззвать к Господу: за что мне чаша сия, да прими в свои руки Дух мой; но Евстратий сказал конкретно, что вам, жидам пархатым, больше здесь не жить! Я вас всех гадов изничтожу, как только доберусь до Отца небесного!

Жидовин не больно расстроился, снял Евстратия с креста и бросил в волны Черного моря. Оттуда и Чудо подоспело. На горизонте, на траверзе Севастопольской бухты немедленно забелел парус одинокий, приблизился, оказался имперской галерой. На берег соскочил вертлявый малый в казенной одежке и сходу начал читать публике приговор:

1. Всех жидов вот за эти антихристовы безобразия из Херсонеса изгнать.

2. Имения их отнять в казну.

3. Старейшин жидовских, а особенно тебя, Жидовин, казнить немедля.

Что и было исполнено на месте. Ошарашенные зрители, — в основном, естественно, евреи, — хором запросились креститься.

Вот это Чудо! Организовать в мгновение ока сложнейшую бюрократическую процедуру с высшей мерой на конце! Тут даже я кричу «браво!». И «бис».

Тут же играют на бис.

Половцы, оказывается, не всех православных продали Жидовину. Самого крупного карася — преподобного Никона Сухого — полевой командир оставил себе. Ему стало известно, что за Никоном стоят некие семейные, деловые или политические круги, способные дать реальный выкуп. С выкупом пришли незамедлительно.

Но Никон уперся. Он заблажил, что нечего деньги портить. В его пленении виноват лично Господь, — обещал царство Небесное, а подсунул ханство Половецкое! — пусть сам теперь выкупает! Откупщики удалились в досаде. Половчанин озверел. Ничто так не корчит наших кочевников, как прощупанная, но уплывающая сумма выкупа.

Никон стал подвергаться ежедневным пыткам и побоям. Кормить тоже стали с паузой. Через три года кровопускания Никон начал громко прорицать из ямы, что не пройдет и трех дней, как он окажется в Киево-Печерской лавре! Половчанин понял это просто: хочет бежать, зараза!

Никону перерезали подколенные сухожилия, надели оковы. В оцепление ямы стали все вооруженные мужчины табора. Теперь не побегаешь!

Но вот, номер! Бойцы смотрят на Никона, не мигая, до сухости глаз, и вдруг он прямо в яме начинает терять оптическую плотность! Туманится, рябит, исчезает вместе с казенными кандалами. В этот же самый миг, за 600 верст от ханской ставки, прямо у алтаря Киево-Печерского храма, принародно из воздуха сгущается сметанная субстанция, и подзабытый Никон предстает богомольцам целый и невредимый — в кандалах, с подрезанными жилами.

Вы скажете, — это бездоказательная конструкция. Кто подтвердит, что «там исчез», а тут «явился», «мгновенно» и т.п.? А вот, и есть подтверждение! Через пару лет установился с половцами мир, стали мы друг к другу ездить в гости. Приехал в Киев и бывший хозяин Никона. «Случайно» зашел в монастырь, и видит, — батюшки! — Никон! Гляди-ка, даже ноги ходят, сгинаются!

Тут дикарь подтвердил Чудо, покаялся, крестился сам, крестил свиту, погнал монастырский наряд окрестить все кочевое племя. Бросил суету мирскую, проплатил себе монастырское житье, да так и остался в Печерском до самой смерти. Тоже Чудо не слабое...

Глава 16
Бедное Русское Чудо

А что же мы? Неужто растеряли тысячелетнюю чудотворность? И нечего нам показать греческим артистам? Есть! Смотрите.

В 1071 году в Киеве прямо на базаре является некий волхв, «прельщенный бесом». И начинает страшным голосом рассказывать, что намедни ему явились сразу пять основных наших Богов. Очень они сердиты на славянское отступничество и просят передать населению, что через пять лет Днепр потечет обратно, а Россия и Греция поменяются местами. То есть, климат у нас существенно изменится в силу коррекции наклона земной оси. Простой народ выслушал колдуна с интересом. Но некие просвещенные граждане в штатском сказали метеорологу, чтоб не болтал, а то хуже будет. Это предсказание сбылось в ближайшую ночь. Куда делся прорицатель, не знает никто. Так что, у нас с глобальным потеплением ничего не вышло.

Но мы не унимались. Из-за климата в Ростовской земле сделался голод, и пара волхвов из Ярославля сразу указали на его причину. Ярославские ребята объясняли беду по Фрейду. Они стали ходить по базару и указывать на «лучших» горожанок, чиновных жен, партийных подруг:

— Вот эта держит жито!

— А эта — мед!

— Эта контролирует меха!

— Эта захватила всю рыбу!

Горожане не спорили. В любом городе известно, кто чем владеет.

Волхвы начали виртуальную конфискацию. Ставили несчастную владелицу в полуголом виде, подрезали ей кожу на спине от лопатки до лопатки, и легким движением «извлекали» на свет спрятанные продукты.

Голод в крае стал спадать, поэтому все городские папики повели своих подруг на процедуру. А что? Не смертельно! Зато люди к

богатым стали относиться спокойнее, торговля оживилась. Да и бабе урок: пусть не колдует налево!

Образовалось общество любителей продовольственной хирургии. Продотряд в 300 человек дошел до Бела Озера и пытался исцелять за деньги тамошнюю элиту. Но тут случился Ян Вышатич — силовик из центра, сын ослепленного богатыря. Он как раз прибыл налоги подсобрать, и это шаманство ему серьезно вредило. Ян потребовал выдачи волхвов. Мы отказались. Тогда он взял отряд в 12 тяжеловооруженных и одного священника. Пришел на полянку и стал настаивать на разоблачении наших чудес. Мы согласились разоблачать только новорусских баб. За плату.

Произошла великая битва. Священника укокошили легко, а с кольчужниками заминка вышла. Пришлось уходить в леса. Ян вернулся в город и заявил, что поселится здесь с войском, пока белозерчане не выдадут волхвов.

— Теперь точно обожрут! — поняли белозерчане и выдали волхвов. Произошла короткая дискуссия, закончившаяся протягиванием колдунов на кукане по Шексне и повешением на суку. Ночью трупы несчастных еще и медведи сожрали. Тоже с голодухи. А, может, волхвы просто вознеслись в наш языческий рай.

И еще случилось русское Чудо. Один парень явился в Новгород, сказал, что истинный Бог — не еврей ветхозаветный, а именно он. Поклялся перейти Волхов, аки посуху. Видимо, прошел удачно, потому что парню поверили всенародно. Кинулись снимать христианский грех — убивать епископа Феодора. Пришлось Феодору облачиться в златые ризы, взять крест и выйти к народу.

— Которые верят в Христа, — становись к кресту. А которые верят в волхва, — идите за ним хоть под воду.

Князь Глеб и дружина стали под крест, весь прочий народ — в другую сторону. Началась злобная перепалка. Князь Глеб спрятал боевой топор под плащ и спросил мессию с подвохом:

— Знаешь ли, что с тобой сегодня будет?

— Знаю, — отвечал Га-Ноцри новгородский, — Чудо для добрых людей собираюсь совершить.

— А вот тебе и чудо, — ахнул Глеб, рассекая мученика надвое.

Они всегда так. Слабо в дискуссии, — и сразу за топор!

Чисто русские Чудеса продолжали совершаться с прежней регулярностью, особенно с голыми девками в ночь на Ивана Купалу, но мы начали проигрывать прежде всего информационную войну. Вбегаешь ты в рыбные ряды и клянешься, что на зорьке отрыбачил во-от такую русалку! И все тебе верят, но дальше базара твое Чудо не идет, потому что тебя волокут на епископский двор и порят так, что чешуя русалочья, налипшая на штаны, разлетается во все стороны.

А поповское Чудо, мелкое какое-нибудь, фиговенькое, — еще и случиться не успело, а уже ему лучшее место отведено: трубят басом с амвона, нашептывают в кабаках, пишут в многотиражную летопись.

Наши Чудеса стали растворимыми, невесомыми, быстротечными. Вот же, мужик на Чудском озере умел бесов из мешка извлекать! Отец Макарий пишет, что бесы эти демонстрировались новгородцам, предсказывали судьбу и отправлялись обратно, по месту жительства — в бездну. Ну, и хоть одну публичную демонстрацию этого русского Чуда власти допустили? Сами понимаете, что нет...

С тех пор на Руси так и повелось: не тот чудотворец, у кого Чудеса, а тот, под кем телевиденье...

Глава 17
Эгоистическое уединение

Рассмотрим несложную житейскую ситуацию. Допустим, читатель, — ты у нас врач. Или, наоборот, — учитель. Прикончил свой дорогой ВУЗ, надел шапочку с кисточкой, спел гимн Республики ШКИД и поклялся не забывать любимых собутыльников.

Тут тебя заставляют еще раз поклясться по бумажке в каких-то смутных делах. Текста ты сквозь духовные пары не различаешь, а заголовок помнишь прилично: клятва то ли Бегемота, то ли Гиппопотама. В клятве ты обязуешься ничего не разглашать, и лучше удавить своих больных учеников, но не допустить утраты бдительности.

Наутро ты переносишься по распределению за 600 верст и учишь деревенских жнецов ходить в пиджаках. Штопаешь им страдные грыжи. И вдруг обнаруживаешь, что эти уроды необразованные мешают тебе выполнять заветы Бегемота! — самосовершенствоваться, думать о трансформациях души, стимулировать в себе Милосердие и Любовь.

Тогда ты заколачиваешь досками крыльцо больнички-школы, уходишь в лес, поселяешься в уютной землянке, спишь на хвое, мечтаешь без ограничений.

А больными занимаются твои ученики. Второгодники. Режут их без наркоза, парят березовым веничком от всех болезней.

Вопрос по ситуации будет такой:

Что про тебя должны думать больные и убогие крестьяне, не умеющие даже пальцы в кукише сосчитать?

Ответ получается простой: сволочь ты, а не врач; скотина, а не учитель. И сын ты не великого Гиппопотама, а сукин сын!

Вот такой житейский сюжет и вплелся красной нитью в ткань православного сценария. Название этого сюжета — «Монастырское житье».

В монастырь люди уходят от суеты. От мира. От нас с вами. Очень они в нас разочарованы! Мы им мешаем думать, молиться, усмирять плоть.

Казалось бы, — правильный ход! Не хочешь греха — тикай из борделя!

Но не совсем так!

Бог же принял тебя в свой узкий круг? А задача Бога — упорядочить стадо безрогое. И сам он почему-то эту миссию не тянет. Так кому ж, как не тебе, встать в железные ряды воинства Христова?! Кому ж еще, — наставлять нас, безрогих, на путь истинный?! А ты — собственную шкуру спасаешь? Хорош страстотерпец! Трудового пота на дух не выносишь, на кровь у тебя аллергия, мат и кабацкая музыка тебе не нравятся?! А нам — нравятся? Нет, — но мы же терпим?

Короче, монастырское уединение, бегство в клуб себе подобных, отречение от простого народа с его прописными безобразиями, — это ли путь слуги Господа?

Кажется мне, что нет. Отсидеться в блиндаже за чтением Устава, когда фашисты вокруг, — это не подвиг. Это на трибунал тянет.

Однако, христианство понимает монастырский уход позитивно, считает его назидательным примером. В идеале, получается, — весь мир должен разойтись по землянкам и пещеркам, сидеть на подножной хвое. Короче, монастыри и скиты древними отцами церкви приветствуются и плодятся неограниченно.

Особенно распространяется монастырский обиход в краях с умеренным, курортным климатом. Одним из таких удобных мест стала Святая Гора Афон на севере Греции. Она вся была буквально изрыта кельями иноков, постников, скопцов; утыкана монастырями. Удивительный коммунистический муравейник, где каждый сам по себе, но все в едином порыве, привлекал, и по сей день привлекает многочисленных экскурсантов, паломников, историков.

На заре российского православия на гору Афон пришел наш черниговский паренек Антип. Его так поразили расслабленные будни монахов, атмосфера нереальной возвышенности, непрерывного духовного совершенствования, что и он захотел так. Его постригли в монахи под именем Антония и разрешили поселиться в пещерке на вольном воздухе. Антоний вскоре приобрел такой же светлый взгляд, как и самые святые туземцы. Он даже начал их превосходить по

многим статьям, так что игумен монастыря сказал:» Иди опять в Россию, и да будет тебе благословение святой горы, ибо многие черноризцы от тебя имеют произойти».

В 1051 году Антоний вернулся в Киев, обошел монастыри в поисках пристанища, но все ему было не то. После Горы Афон наши обители казались убогими и грешными. Но не в миру ж ему жить? Там еще грешнее? Решил Антоний строить с нуля. Возле Берестовской Петропавловской церкви отыскалась пещерка в две сажени, которую местный поп отец Илларион держал для собственного уединения в свободное от службы время. Типа дачи на летний сезон. Антоний, будучи носителем афонской святости, имел право на производство в монахи любого встречного. Он постриг попа Иллариона, и тот сразу приобрел в церкви серьезный авторитет. Да-да! — это получился тот самый Илларион, посаженный князем Ярославом в первые русские митрополиты назло Константинополю.

Антоний унаследовал пещерку выдвиженца и стал ее расширять денно и нощно, рыть ходы по образцу Афонских...

Здесь необходимо сделать прохладительное отступление, спроецировать на обыкновенное человеческое, молодежное понимание тот эмоциональный надрыв, который заставляет человека издеваться над собственным живым существом.

Очень тяжко, просто хреново, — и отец Макарий соглашается с этим, — приходится молодому человеку в подъемном возрасте. Ломает бедолагу при виде противоположных существ, крючит, как мартовского кота. Кота из сочувствия принято кастрировать. Кот становится пушистым и ласковым, предпочитает ночным прогулкам запечный сон.

Мне известен также случай, когда так же поступили с человеком по приговору советского суда. Человек этот потом все время стоял на крыльце с тупой рожей, смотрел на студенток в майских платьях и думал: «Чего за ними я гонялся с топором?». В общем, вы поняли, Любовь человеческая — очень конкретная, химическая и генетическая — не очень управляема ее носителем.

Природа, эволюция, Бог, если угодно, создали могучий механизм продления рода человеческого. Богу недосуг заниматься нашей личной жизнью. Нас 6 миллиардов. Нет у него столько ангелов, чтобы послать благую весть каждой женщине, обеспечить поголовную Гаврилиаду.

Вот и не стал он нас оскоплять, оставил на произвол щучьего веления-хотения. А его конкурент тем временем не побрезговал черной работой и нашел персональную змею для каждой яблочной девы.

Спрос на Любовь, таким образом, у нас обеспечен беспредельный.

С удовлетворением спроса хуже. Намного хуже. Негде его удовлетворять. Жилплощади мало.

Есть еще проблема — не каждая с каждым сразу соглашается. Не каждый каждую вполне желает.

Возникают сложные коллизии. Ими занимается особый раздел математики — комбинаторика. Поэтому ученые на кастрацию не торопятся. А остальным как быть?

Ромео и Джульетты, хулиганы с нашего двора — все они очень страдают от ограничений на Любовь. Церковь подсовывает им эрзац, странную сказку о любви к виртуальному ближнему, но наши озабоченные понимают ее неправильно, в лучшем случае — отбрасывают прочь.

В худшем случае пораженная особь берется за скальпель и удаляет беспокойную опухоль к чертовой матери. 100%-ое обрезание, так сказать. Этот способ облегчения встречается в церковной истории сплошь и рядом. В древние времена многие иерархи проходили оскопительную процедуру и успокаивались в карьерном сосредоточении. По крайней мере два упоминания о кастрированных митрополитах Киевских впечатаны черным в белое.

Но не все столь отважны. Многие уходят в маньяки, едут в Якутию на прииски, а уж потом, отморозясь, покупают короткое счастье на свой длинный рубль.

Самые беспомощные впадают в прокурорский экстаз. Все у них виноваты. Хазары буйным набегом сбивают их со сватовства, половцы расстраивают половую сферу, низкий уровень жизни формирует вредные привычки и мерзкий характер. Мир отвратителен! — вот и весь сказ.

Один выход — бежать отсюда во-он туда! — и там рыть вглубь на пару сажен...

В Киеве средняя температура января составляет минус 6 градусов по Цельсию. А бывают дни и до минус 20. Раньше тоже было не теплее. Выжить в пещере при таком холоде можно только очень

глубоко, прикрываясь многослойными тряпками, завесами, спасаясь костром. Организм при этом сатанеет. Впрочем, если заниматься рубкой дров, рытьем к центру Земли, то можно как-то уберечься от фатальных болезней, зато тело закаляется, сбрасывает все лишнее, мумифицируется при жизни. Понятно, что средняя продолжительность этой жизни невысока, зато оправдана в глазах общественности.

Сама-то общественность спит на перинах, часто парится в баньке, согревается русской печью и русским медом нормального градуса. И нервы она на ночную бдительность не тратит, — охрана есть. И главную причину подвига общественность не сдерживает, сливает ее без угрызений совести в подручную тварь...

Итак, мы с вами установили температурную зависимость иноческого уединения от тяжести потенциального греха.

«Чем грешнее хочется, тем севернее спасешься» Запомните это определение — оно поможет вам при выборе места жительства. Чтоб вы не поехали в Сочи вместо Тюмени...

Инок Антоний спасался под Берестовым в одиночку. Холодно ему было, скудно, страшно ночами. В те времена еще много чего водилось у нас языческого. Ты думаешь — баба, ан нет! — вурдалак.

Но Антоний справлялся успешно, и рецепт его годился другим страждущим. Слава Антония, которую усердно распространял благодарный глава церкви, разлетелась во все концы.

Закон славы известен: чем дальше она летит, тем ярче сияет. К пещере Антония потянулись люди. В основном, шли за благословением, кому страшновато начинать большие дела. Гости приносили все необходимое для жизни. Еду и одежду стало некуда девать. Скоро с Антонием поселились еще два инока — Никон и Феодосий.

Глава 18
Детская святость

Первое, что я помню из своей жизни — это два одинаковых жестяных грузовика, которые мне подарили в день рождения. Мне было три года. Гости о подарке не сговаривались. Помню чувство глубокого удовлетворения, что грузовики зеленые, большие, и их именно два.

Феодосий Печерский с первых своих сознательных минут «обнаружил в себе самое благочестивое настроение души». Он не беспокоился дурацкими самосвалами, сразу стал ходить в церковь, а не в песочницу. Конечно, — у него же не было грузовиков!

Он внимательно слушал чтение книг. Про Незнайку тогда еще не написали, и бедный мальчик внимал сказ про такого же беззлобного смутьяна в золотистом нимбе вместо оранжевой шляпы. Родители одевали Феодосия по обыденной провинциальной моде, но он курские наряды отвергал, добывал где-то черное рванье и каждый день являлся в нем в церковь.

Церковные служащие сочувствовали Феодосию. Вид пятилетнего малыша в монашеских обносках и с галилейским огоньком в глазах просто слезу вышибал.

Феодосий отпросился в ученье грамоте и сделал поразительные успехи, за несколько лет вызубрил наизусть единственную наличную книжку — Евангелие.

Тут случилось Феодосию осиротеть. Овдовевшая мать любила его со всей строгостью. Иногда даже порола за нежелание одеваться, как люди. Истязание плоти подвигло мальчика дернуть из дому по каким-либо святым местам. У нас и сейчас по миллиону пацанов в год из дому бежит. Тут через Курск проходила толпа паломников. Люди шли прямо из Иерусалима, и вид у них был очень привлекательный. Феодосий сбежал с репатриантами. Через три дня несчастная мать настигла беглеца. Его связали, избили до неходячего состояния и

увезли домой. Нам понятны материнские чувства: кто бы кормил старушку в немощи, если этот смоется на небесные хлеба?

Пришлось Феодосию и в темной посидеть, и в оковах походить. Наконец его снова пустили в церковь, и он занялся испечением просфор. Молол пшеницу вручную, пек хлебцы, продавал в церкви, выручку снова пускал на муку. Излишки раздавал нищим. Местные пацаны, конечно, смеялись над убогим. Девчонки издевались походкой от бедра. Так продолжалось 12 лет!

Мать терпела из последних сил, но Феодосий явно не собирался становиться кормильцем. Хоть бы просвирочку домой притащил! Мать лупила 26-летнего недоросля в слезах и отчаянье. Он снова бежал к некоему «пресвитеру». Снова погоня, снова под замок и никаких просфор!

Феодосий стал еще дольше находиться в церкви, и тут его заприметил местный градоначальник. Захотелось ему использовать богомольного юношу в личных целях. Феодосий оказался в домовой церкви курского губернатора. Он снова отказывался от белой одежды, —отдавал дареные обноски нищим. Напротив, — стал носить вериги, — железные утяжелители. Сейчас спортсмены такие используют для накачки мышц. Однажды губернатор велел всем придворным явиться в белых одеждах на званый пир. Мать стала лично переодевать Феодосия, обнаружила кровь из ран, натертых веригами. Снова отлупила парня нещадно. Очень обидно было матери, что сын карьеру упускает.

Но не устерегла беспутное дитя! Однажды пришлось матери отлучиться на несколько дней, и Феодосий рванул налегке в сторону Киева. Не зря он в веригах тренировался! — не догнали! Три недели пешего ходу вслед за обозом, и вот он — Киев!

в Киеве Феодосий прошелся по монастырям, просился в каждый. Монастырская братия с первого прищура определяла: блаженный, нищий, работать не будет, денег не имеет, — пошел вон!

Но кто-то шепнул страннику об Антонии, и Феодосий попылил к пещере. Пришлось ему и в ногах у инока поваляться. Антоний его и так и эдак отговаривал. Намекал, что в юном возрасте в пещерке неинтересно. Но Феодосий рыдал о Христе и был в конце концов принят. Никон получил команду постричь новичка.

Через 4 года до Киева добралась мать схимника. Она потратила последние душевные силы, но так и не уговорила сына вернуться. Наоборот, он сам ей посоветовал спасаться от старости и голода в монастыре. Место нашлось в женском Николаевском под Киевом.

К подземной обители Феодосия, Никона и Антония потянулись люди со всей страны. Появились даже придворные князя Изяслава Киевского, — чем-то у них служба не задалась. Князь обиделся. Пригрозил устроить схимникам спасение души в местах не столь отдаленных. Пещеры обещал зарыть.

Антоний со товарищи приготовились к худшему. Собрали вещи, вышли в лес. Страшная весть немедленно донеслась до дворца. Польская жена Изяслава стала выть, что ее отец тоже вот так неосторожно изгнал иноков, — и ужас что случилось с королевством! Изяслав вернул беглецов.

Отец одного из бывших придворных, Варлаама, налетел с ребятами на Пещеры, расшугал «малое стадо» и забрал сына. Дома его накормили, помыли, положили почивать. Молодой жене велели показывать стриптиз. Но парень был уже так ударен по голове, что отвернулся к стеночке, три дня не пил и не ел.

— Сдохну, но не дамся! — хрипел Варлаам.

Жена убежала в слезах.

На четвертый день отец сломался.

— Черт с тобой. Иди, чадо, молись Богу!

Варлаам с радостью возвратился в Пещеры.

Весть о чудесном исцелении молодого организма от страстей наружных разнеслась вообще широко. В Пещеры стал захаживать и сам князь Изяслав. То о походе спросить, то помолиться, то подарить чего-нибудь.

Вокруг Пещер шло буйное строительство. По полтора землекопа убивалось на каждой квадратной сажени. И каждый норовил соединить свой самозахват с основной, исконной Пещерой. Некоторым копателям посоветовали нести свою благодать куда-нибудь подальше. Так что, наши Печерские иноки добрались до самого Константинополя.

Тем не менее, суета под Киевскими холмами продолжалась, пришлось Антонию бросить насиженное место и копать отдельную пещерку на чистой земле.

Оставшейся братией руководил Варлаам. Опыт государственного управления у него имелся. В 1057 году он пошел на повышение: князь Изяслав (в крещении Дмитрий) решил открыть крупный Дмитриевский монастырь. Варлаам стал его настоятелем. В пещерах игуменом выбрали Феодосия Печерского.

Жизнь продолжалась в невыносимой тесноте. Люди прибывали в подземелье быстрее, чем росла производительность ручного труда. Чем изобретать экскаватор, решили выйти на поверхность. Но вот же фокус! Подземелье есть место Божье, но земля, — шалишь! Земля — владение княжеское!

Пошли просить князя:

— Отдай, батюшка, нам землю над пещеркой.

— Только над пещеркой? — берите...

«Над пещеркой» оказалась целая гора!

Так в 1062 году был основан Печерский монастырь, — обширная территория с бревенчатым частоколом, Великой церковью, множеством келий на чистом воздухе и с печным отоплением. В сами пещеры теперь только покойников складывали. Лежат они там и по сей день.

В подземелье иноческое сообщество выдержало 11 лет. Так трансформировалась в соответствии с русским климатом Афонская схема пещерного затворничества. Возникли 4 класса братии — от «непостриженных» — до «чернецов великого ангельского образа». Образовалась иерархия, четкое расписание быта и служб. Короче, бацилла бюрократического управления быстро поразила детей подземелья.

Посмотрел на это дело Антоний, да и остался без чина в своей пещерке за дальним забором монастыря.

Глава 19
Жития отдельных святых

Время шло, обитатели Печерского монастыря менялись, киевское золото текло в обитель рекой. С каждого удачного похода, с каждых высокопоставленных похорон братство получало десятки гривен золота, сотни гривен серебра. Гривна, — вы понимаете, — была тогда не мелкой денежкой, а увесистым слитком.

Обитель сияла куполами, но главного результата, — ради чего когда-то начали рыть землю первые отчаянные монахи, — она не давала. Не было страждущим стопроцентного исцеления от земной Любви. Приходилось решать проблему по-старинке, вручную, в одиночку.

Вот, заболел «похотью плоти» преподобный Иоанн Многострадальный. Лечение начал с диет. По три дня ничего не ест. Напряжение только возрастает. Он неделю воздерживается от еды. Не пьет, в смысле — воду. «Томление» продолжается. Иоанн уже не решается спать. На вопрос окружающих, что тебе снится? — отвечает выпученными глазами и размашистым крестом. Три года бессонницы иссушили парня до самых до окраин. Но окраины усыхать не пожелали. Иоанн убрался в опустевшую пещерку Антония. Казалось, это святое место — должно помочь ему? Нет. Не помогло.

Иоанн надел вериги чуть ли не везде. Стал выходить на мороз. Нет облегчения! «Мучительная страсть» не отступала.

Тогда к процессу подключились потусторонние силы. В Антониевых пещерах покоился прах «великого девственника» Моисея Угрина. Покойник взмолился к Господу скорбным шепотом. Очень просил прекратить ночные безобразия. Битва с плотью мешала ему покоиться с миром.

Бог сжалился и подсказал рабочий рецепт. Вот он. Запоминайте.

Нужно зимой, в конце нашей языческой Масленницы вырыть яму почти в полный рост, влезть в нее так, чтобы над землей торчали только голова и руки, засыпать себя руками по горло. И так торчать

весь Великий пост. Это 49 дней самой лютой погоды. Чтобы не покончить с плотью окончательно, позаботьтесь о команде, которая будет-таки вам еду-питье подносить, поправлять ушанку, разводить под затылком костерок, рассказывать на ночь случаи из студенческой жизни. Удерживать ваши руки от рытья вглубь.

Иоанна наконец отпустило на конец.

Но другие продолжали мучиться. Не нашлось у Бога средства группового исцеления — так, чтоб сделать рождаемость в «малом стаде» ниже смертности. Над этим ему предстояло еще тысячу лет потеть.

Теперь проблема разрешилась, но не истязанием плоти, а литературным маневром. Оказывается, дело было не в грешности нас, как таковых, а в несвоевременности Слова Божьего, в предательской неоднозначности русского языка – великого и ужасного. Нас просто запутали в определениях.

В Начале — до татарского нашествия – у нас вовсе не было Слова, мы вообще никак не называли полезный инструмент. Отсюда и неожиданность «томления», непреодолимость «плотской напасти». Но вот, татары преподали нам гулкое трехбуквенное имя, — и дело пошло на лад, русских набралось на целую Куликовскую битву. Потом татар прогнали, и стали стесняться тела еще сильнее. Заменили художественный термин названием его первой буквы – «хер», но тут же стали стесняться и этого. Следующий эрзац – «хрен» — и вовсе сбил наших женщин с пути истинного, сосвсем они запутались в этих рычагах. Дело всеобщего просвещения застопорилось, рождаемость рухнула, православное поголовье стало стремительно сокращаться.

Оказалось, все так просто! — а вы говорите, монастырь!

Теперь наш Бог отдыхает, созерцательно попустительствует православному вырождению...

Но это случилось намедни, а до этого история одиночных иноческих подвигов тянулась все крещеное тысячелетие.

Преподобный Николай Святоша — сын приличных родителей (отец его Давид Святославович был черниговским князем) прибыл в Печерскую обитель в 1106 году. Избыть проклятую озабоченность пытался черной работой, три года работал на поварне, рубил дрова, таскал воду. Еще три года стоял в воротах охранником. Потом был взят подавать еду в трапезной. Ничего не помогало, и преподобному

посоветовали спасаться в уединении. Белая кость давала себя знать, поэтому и «спасение» Святоши было изысканным. Он посадил под окнами кельи великолепный сад. Работал там, не покладая рук. Еще заметили, что он все время что-то нашептывает. Оказалось — молитву Иисусову. Видно, приходилось Святоше не легче, чем Иисусу на кресте. Так Николай Святоша боролся с лукавым 36 лет и, наконец, победил — скончался 14 октября 1142 года. На погребение его собрался весь Киев. Вещи и книги бывшего князя достались монастырю.

Известны и другие «иноческие подвиги», за которые страдальцам присвоены специфические звания. Но, как и в области мирских наград, со временем эти звания обесцениваются, подвиги мельчают и выглядят обычными случаями из нынешней московской или киевской жизни.

Прохор Чудотворец «Лебедник» — питался только хлебом на лебеде;

Нестор Летописец — этот, — согласен, — книгу великую написал;

Марк Гробокопатель — прославился непрерывным рытьем подземных могил для усопшей братии. Братия, как известно, только множилась;

Федор и Василий — «вкусившие невинную смерть» от князя Мстислава; — так у нас любой в преподобные попасть может;

Григорий — сочинитель канонов;

Онисифор Прозорливец;

Пимен Многоболезненный — 20 лет страдавший хворью и окончательно исцелившийся со смертью;

Спиридон и Никодим просфорники — 30 лет отдавшие ремеслу монастырского пекаря и «другие», не упомянутые за скромностью достижений.

Борьба за духовное очищение шла за монастырским забором с переменным успехом, тем не менее, других средств нам не разрешали. И монастыри множились на Руси вполне успешно. Их было построено в 11-12 веках по нескольку в крупных городах, всего насчитывалось, пожалуй, несколько десятков. Они различались убранством, богатством, популярностью, обеспеченностью в голодные годы и холодные зимы. Только устав у них был практически единый — по образцу Киево-Печерского. Да «спасение» они предлагали однотипное

— негарантированное, зависящее не от святости стен, а от субъективных свойств самого спасаемого.

Глава 20
Культурная революция

Когда приходят новые времена, народ начинает желать перемен. Он думает, что сейчас его накормят, напоят и развлекут. Народу объясняют, что кормежка — дело житейское, и тут у нас полная свобода личности: что найдешь, то и съешь, где можешь, там и добывай.

— А дадим мы вам, — говорят, — новый порядок, новую культуру. Она косвенным образом будет способствовать вашей сытости. Поняли? Нет. Тогда идите в церковь. Там разъяснят.

Первая русская культурная революция — поголовно-православная — дала нам очень много: письменность, чтение вслух и чтение про себя, пение церковных композиций, правила домашнего и общественного обихода.

Но, как любое другое массовое мероприятие, революция эта больше отобрала, чем дала. Она провела жесткие рамки использования дарованных инструментов.

Она угробила несчетное количество граждан, не согласных с новыми правилами; репрессировала множество вольнодумцев и критиков. Сформулировала беспредельный перечень предосудительных, грешных занятий. Она запретила:

— использовать письменность, иначе как для церковных и деловых документов;

— петь не по церковным случаям, сочинять, распространять светскую музыку;

— использовать любые музыкальные инструменты;

— танцевать и допускать любую жестикуляцию, кроме крестного знамения;

— ставить любые спектакли, кроме церковных литургий и крестных ходов;

— проводить ритуалы свадеб, встреч новорожденных, похорон по нецерковным правилам;

— питаться по зову печени, а не по годичному церковному расписанию;

— вообще, есть, пить, сексом заниматься в определенные дни, недели, месяцы;

— анализировать и синтезировать, пользоваться логикой и диалектикой, проводить научные исследования и выполнять конструкторские разработки;

— ставить диагноз, лечить и лечиться чем-либо, кроме молитвы;

— считать государственную власть земной, народной, сменной;

— допускать вольные мысли обо всем вышеизложенном.

На тысячу лет у нас почти остановился процесс национального культурного развития. А все, что появилось за последние 100-200 лет, было сделано вопреки православной церкви, а не с благословения ея.

Самое ценное, что церковь воспитала в нас — это чувство неограниченной внутренней свободы. Мы, русские, очень рано поняли, что если делать все по-православному, то как раз сдохнешь, осовеешь, отупеешь, оскопишься. И постепенно, — от тайных языческих пережитков, от подвижного языка за сжатыми зубами, — родилась, окрепла и восстала железной твердью наша великая Свобода — Свобода от Государства, Церкви, любого начальства, любых законов.

Процесс внутреннего освобождения произошел не враз. Почти тысячу лет мы накапливали понимание нашего скрытого права, тайной свободы совести, вторичности веры и доверия — первичности знаний. И должно же было это сработать?!

Вот оно и сработало! А вы говорите, в революциях 20-века Маркс виноват, евреи! Евреи, согласен, но не Маркс-Ленин-Троцкий, а ветхозаветный легион и новозаветная когорта. Они нас научили, КАК НЕ НАДО ДЕЛАТЬ. А уж, КАК НАДО, мы сами придумали.

Я думаю нашей РПЦ очень смешным покажется обвинение в организации февральского отречения Романовых и октябрьского переворота 1917 года.

Не волнуйтесь, отцы святые, репрессий не будет. Мы не конкретно вас обвиняем, а вашу систему вообще. Чувствуете разницу? Это типа, как КПСС — организация преступная, а рядовые коммунисты, — наши партнеры по забиванию козла, — нормальные ребята.

Ну, поехали дальше.

Князь Ярослав Владимирович Мудрый завел училища. Духовные, понятное дело. Там учились поповские дети, кое-кто из придворного сословия. Читали исключительно Евангелие и жития святых — поучительные рассказы о праведных делах отдельных героев церкви, изложенные гораздо строже, чем в наших предыдущих главах.

Умение читать порождает тягу к книге. Книг хочется разных. Значит, кто-то их должен все время писать. Но писать-то особенно нельзя, вернее можно, но об одном и том же. И еще: «книга — источник знаний» — была такая нехитрая школьная заповедь. Но околоцерковные книги как раз никаких полезных знаний не давали. Они внушали веру — альтернативную знаниям вещь.

Однако, у древнего народа стали появляться вопросы, практически такие же, как у нас с вами.

— С какой стати на нас напали половцы? И почему нас, православных, полегло в боях больше, чем этих поганых агарян?

— Молимся круглые сутки, а нам на голову — то ливни, то засуха! А иудей из Хазарии приезжал, говорит, у них ничего, все нормально.

— Вот еще голод случается регулярно, и никакой манной кашки с неба нам не падает. Почему нет гуманитарной помощи голодающим единоверцам?

Вопросы эти были очень опасны, они выводили массы на грань атеизма, анархии, бесконвойности. Надо было отвечать. Отвечать на бумаге было позволено только церковным писателям. Жанр их писания тоже был строг — «Поучение» или «Слово». «Поучения» адресовались неразумной пастве, «Слова» — всем прочим, ибо не каждого позволено поучать.

Когда-то в «Литературной газете» была рубрика — «Повести, состоящие из одних названий». Названия «Поучений» и «Слов» тоже говорят о содержимом вполне исчерпывающе:

«Слово митрополита Иллариона в похвалу святого Владимира»;

«Поучение о пользе душевной ко всем православным христианам»;

«Поучение блаженного Феодосия, игумена Печерского, о казнях Божиих».

Среди казней Божиих упоминаются голод, мор, внешняя агрессия, — и все это — наказание за грехи. Главный наш грех — пережитки язычества.

Вот, идешь ты по улице и встречаешь монаха. Что надо делать? Перекреститься, поклониться, спросить благословения. А ты?

Тебе в голову вдруг бьет первозданная струя, глаза вспыхивают васильковым огоньком, дикий струнный оркестр наяривает рок-н-ролл, и ты, высоко подбрасывая пятки, скачешь в противоположную от монаха сторону. Ибо так повелевает зов предков. В «зове» прямо не сказано о вредоносности православных монахов, а говорится только о лысых конях и свиньях. Так что, монаху вдвойне обидно такое сравнение.

Еще язычество проявляется в громогласном, чистосердечном чихании. У нас считается, что оно идет «на пользу главе», то есть, мозги прочищает. Церковь нас поправляет: прекратите чихать! — «этим обольщает дьявол, равно как и другими обычаями и искушениями!»...

Обычаи, традиции отцов, народные приметы, — все это от лукавого. Вы думаете, если предсказания погоды привязаны к православным праздникам, — так они от Бога? — черта лысого! Все эти «если на Савку снег, — то на Варьку грех» — есть ничто иное, как возмутительное приложение грешной утробы к святым ликам. Это — как утверждать, что пуск танкового завода в Светлое Воскресенье гарантирует экономию электроэнергии на главном конвейере.

Вот такая у нас образовалась строгая, безответственная православная культура. Помноженная на язычество, природное озорство и противоестественную любознательность, она дала нам странную, но вполне жизнеспособную генетическую среду. Хоть и выглядит эта среда болотистой лужей.

Глава 21
От Любви до Ненависти и обратно

Казалось бы, мы достаточно обозрели первые христианские десятилетия, и хочется уже всплыть из глубины веков. Но что-то тянет за ноги увесистыми веригами. А! — это несколько краеугольных камней православного фундамента зацепило! Эти догматы христианства внушает нам святой Феодосий Печерский, пристроивший из-за них мать родную в монастырь.

Феодосий оставил несколько поучений, которые целиком не сохранились, но были густо процитированы биографами святого игумена.

Вот каковы по Феодосию принципы действия космического Божества и соответствующие предупреждения нам, пешеходам. Я, с вашего позволения, перевожу их на человеческий язык.

Пункт 1. Казни Божьи включают различные вооруженные конфликты и нехорошие естественные явления типа птичьего гриппа. Карательные войны случаются двух видов — гражданские и отечественные.

Отечественные войны насылаются лично Богом за всеобщую повинность перед ним данного государства. Самая популярная всенародная вина — низкая концентрация молитв на тысячу населения.

Гражданские стычки, наоборот, насылаются Дьяволом — ничего, что я пишу с большой буквы? — и его агентурой — «злыми людьми». Повод для дьявольской активности — наши внутренние разборки: взаимная зависть, стукачество, воровство, короче весь Уголовный и Гражданский кодекс.

Итак, неправославие преследуется по линии МИД и МО, остальные прегрешения по линии МВД. Подчиненность этих ведомств теперь тоже понятна окончательно.

Этот пункт нам очень многое разъясняет из нашей жизни. Великая Отечественная война, например, является следствием революционной

атеистической пропаганды, — намного меньше народу тогда стало в церкви появляться. С другой стороны, Гражданская война и все современные чечено-албанские конфликты тоже приобретают конкретных авторов. Агентура Крупного Рогатого Существа проступает на пыльных портретах и посмеивается сквозь мефистофельские бородки.

Еще одна досада, — ты себе хоть лоб разбей, а, если твои соседи посреди поста намазывают водку на селедку, то и тебе пропасть под бомбами. Ответственность по пункту 1 у нас коллективная! Собирай-ка, брат, рюкзачок и драпай на гору Афон. Ее точно бомбить не будут.

Пункт 2. Здесь перечисляются популярные грехи, от упоминавшихся чихания и доверия приметам — до любимых наших блуда, запоя, обжорства, взяточничества, скоморошества и игры на музыкальных инструментах.

Между прочим, Феодосий приводит простой способ вхождения в контакт с Сатаной. Нужно зайти в церковь, вспомнить вчерашний анекдот и разулыбаться на всю литургию. Сатана, — он, оказывается, в церкви дежурит неусыпно, — видит оскаленную рожу среди постных ликов и очень радуется: «припадает окаянный дьявол и внушает нам творить смех». Твоя дурацкая улыбка мгновенно прорывается безудержным хохотом.

Смех, шепот, непристойные манипуляции в церкви конкурируют по грешности с нашим национальным промыслом — пьянством. Святой очень сетует на это зло и взывает к пастве с укором, рассказывает историю, в которой выглядит свидетелем. Будто бы явились к Богу ангелы и доносят сладким хором, что посылал ты нас, Господи, отучить православных от пьянства. Мы старались, из перьев лезли, но смогли отучить только от самого сурового, массово-запойного пьянства, — это когда вся деревня приползает к заутрене на карачках и вплетает в «Отче наш» похмельную отсебятину: «Мед насущный даждь нам днесь». А от «пития» вообще отучить русских никак не получается. Короче, ангелы пришли с повинной.

Бог нюхнул рукав и объяснил недотепам разницу:

— «Иное — пьянство злое, а иное — питие в меру, и в закон, и в приличное время, и во славу Божью!».

Ангелы порхнули передать нам это толкование через посредников — церковных и монастырских святых отцов, а в это время с другого

боку небесного терема другой верховный Князь натаскивал своих серых, как им разрабатывать винно-водочную тему.

— Значит так, пацаны, идите, «научайте христиан пьянству и всем делам моего хотения», — Князь дернул бородкой, золотой обруч с платиновыми рогами съехал на его затылок и звякнул о рога настоящие — костяные.

— Кто не въезжает в «мои хотения», — спроси соседа. Я вам десять раз про одних и тех же баб рассказывать не нанимался!

Стая шуганула с небес на перепончатых крыльях, скорость которых, как известно, в 3,14 раза выше, чем у крыльев ангельских, перьевых.

Не успели пернатые слететься к святым отцам, как Феодосий обнаружил последних в теплой кожистой компании. Пришлось ему лично объяснять народу разницу хорошего и плохого «пития».

Для пристойной выпивки игумен ввел строгую норму: три чаши и более — ни-ни! Размер чаш праведник наивно не оговаривает.

Тут обнаруживается приятный русский фокус. Оказывается, самые богобоязненные алкаши повадились сопровождать выпивку не тостами из кавказской жизни и не анекдотами про Абрама и Сару, а церковными тропарями. Молитвенное пение по их мнению должно смягчать водочный грех. Это, как если бы мы выпивали под тезисы ЦК КПСС к 7 ноября. А что? Как не выпить за успех освободительной борьбы в Лиллипутии и Блефуску?!

Феодосий это святотатство строго запретил и тут же получил тычок в бок и горячее шипение в ухо:

— Что, святой отче, и за здравие Государя помолиться нельзя?

Каверзный гражданин растворился в тени, и Феодосий притормозил:

— «Тропарей за чашами не петь, разве только три: один во славу Христа Бога в начале обеда, другой во славу Пресвятой Девы Марии в конце обеда, третий во здравие государя, а более не позволяем!».

Президентский тост оставлен на произвол выпивающих — то ли после вноса жереных лебедей, то ли после выноса останков свиной хари.

Однако, пьяная компания, подначиваемая клинобородыми летчиками, стала роптать, чего ты нас, отец, утесняешь? Вон сколько

придурков, дебилов, шизофреников! — они вовсе слова Божьего не слышат, — иди их поучай!

Пришлось Феодосию разъяснять тонкую разницу между пьяным и дебилом:

— «Бесный страдает невольно и удостоится жизни вечной, а пьяный страдает по своей воле и подвергнется вечной муке. От бесного иерей прогонит беса, а к пьяному, хотя бы сошлися иереи всей земли и сотворили над ним молитву, то не прогнали бы от него беса самовольного пьянства»...

Тут бьют оглушительные литавры, джаз наяривает разухабистый туш, пушки плюют в замоскворецкое небо разноцветным конфети, грохочет радио, полыхает телевиденье! А что! Повод достойный! Найдена национальная идея великой страны, объяснено тысячелетнее недоразумение! Сделаны серьезные открытия теологической науки. Вот они:

1. Алкогольная придурь и врожденный идиотизм — одного поля ягоды.

2. Бес ресторанный намного крепче беса больничного.

И — главное! —

3. Ни слово Божье, ни собственно Бог, ни легион церковных начальников ничего не могут сделать против одного единственного бесика с тремя коньячными звездочками на погонах.

Но самое примечательное — не в констатации этих фактов — понятных нам со школьных задворков, а в том, что содержат эти три пункта универсальный рецепт русской нирваны — великой и непреоборимой. Какой психологический блок может выстроить русский человек против надоедливого начальства? А вот именно такой!

Еще хочу заметить, что предсказание русского будущего Феодосий сделал во тьме 11 века. И смотрите-ка — все сбылось! Никакие «иереи» нам не указ!

Ну а Любовь? Она-то где? Не за нее ли мы поднимаем свои гусарские тосты? Ну, вот она, если угодно:

«Возненавидим мир сей!»...

Мы застываем с пустой вилкой, сбиваемся с печерских пунктов, и святой Феодосий втолковывает нам слова Христа в пересказе апостола Матфея (10:37):

«Кто любит отца или мать, больше, чем меня, не достоин меня; и кто любит сына или дочь больше меня, тоже меня не достоин».

— Ну не достоин, так не достоен! — проходи, папаша со своим людоедским достоинством, — ворчит благородный сын своих родителей и твердый отец семейства. Попадает вилкой в огурец.

Искуситель заходит слева — от Матфея 10:39.

— Нашедший душу свою, тут же ее и погубит.

Под поисками души подразумевается своевольное творчество, художественное призвание, всякая литературная и музыкальная отсебятина.

— «А кто погубит свою душу ради меня, сразу ее и обрящет», — в улучшенном, так сказать, виде.

Погубить душу можно простым нарушением 10 заповедей, но как это сделать во славу Божью? — это проблема!

Крадешь, например осла ближнего, соблазняешь его жену в извращенной форме, но делаешь это под пение тропарей, в боях с мусульманами, в интересах церковной кружки, — и вот ты спасся?

Сложно для русского человека!

Тогда нам объясняют, что душу положить за други своя в этом самом бою — как раз и есть погубить ее в хорошем смысле слова...

Мы продолжаем запивать неподатливый огурец, и Феодосий Печерский прерывает поучение о Любви четкой командой: все в монастырь!

«Следует нам, братие, нарекшись иноками, во все дни каяться в грехах своих. Покаяние есть путь, вводящий в живот».

Тут мы вовсе сатанеем. Огуречный фимиам поднимается под шапку, стекает в низ живота, и мы соглашаемся понимать Любовь как пронзительный инструмент замедленного действия...

Вот так и вышло, что Любовь с большой буквы и любовь простая — лежачая — вошли у нас в противоречие, стали предметом болезненной путаницы.

Казалось бы, все, что нам нужно — это Любовь. В прямом смысле этого извилистого слова. Бог кровно заинтересован в размножении праведников. Многодетность русских семей, высокая рождаемость под каждой православной крышей должны быть главной национально-религиозной идеей. На каждой церковной службе, на каждом массовом мероприятии первым делом нас должны уговаривать, чтоб мы не

зевали, не давали нашим девкам болтаться без дела. Среди смертных грехов на первых местах должны находиться женская неуступчивость и позорная борьба за форму живота, — все эти «похудания» и «шэйпинги». Соответственно, и кара Божья номер один — бездетность — тоже должна назначаться за самые страшные преступления — нечего нам взяточников и алкашей разводить!

У нас же все установилось навыворот. Нашу природную тягу к прекрасному полу христианская религия объявила грехом, позором и т.п.

Наших женщин назначили «вместилищем греха», «сосудом скудельным». Я лично считаю, — это была самая тяжкая диверсия, которой подверглась Европа, и Россия в частности, со времен Вселенского Потопа. Геноцид виртуальный, так сказать.

Извратилась тонкая этическая грань, лопнула струна Орфея. Служение даме стало смешным и нелепым. Куда служить ей, когда ее в алтарь не пускают, как кошку или собаку? Какие уж тут романсы, когда в ней, вишь ли, засел бес?!

Пока православный гинеколог тужится объяснить, где у Мадонны самая грешная точка, в каком именно органе наблюдается скопление бесовских хромосом, настоящий Рыцарь прицеливается через забрало и бьет урода в ухо бронированной рукавицей!

Но это — Рыцарь. А мы — нет. Мы молча опускаем глаза в сторону винной лужи.

Вот и нет у нас Эвридик. Вот и разбежались наши Изольды по заморским эдемам...

Глава 22
Философия Божьей натуры

Назрело у меня очередное лирическое отступление...

Бог создал наш Мир. Он установил законы природы, открыл физику твердых тел и высоких энергий, составил рецепты органической и неорганической химии. Ведь так?

Эти законы и рецепты вступили в силу мгновенно, — со дня публикации в первую субботу нашего мира — 7 сентября 5509 года до н.э., — и действуют на всех тварей Божьих, независимо от их морального и физического облика. Это — тоже факт. Воистину смешно выглядела бы наша жизнь, если бы, скажем, православные христиане были выделены из толпы иноверцев облегчением гравитационной константы или скоростью звука в православной молитве. Мы бы сразу увидели на кого действует мусульманское или языческое 6G — как в центрифуге, — а кто прыгает по Соборной площади с лунно-православной гравитацией в 1/6G.

Но это — нелепая утопия, не так ли? Все твари Божьи, все праведники и преступники, все бездушные камни и воды послушны единому G, единому ускорению свободного падения. Так было, есть и будет во веки веков! Я даже боюсь, что и на Страшный Суд в конце шкалы времен мы будем подниматься по мраморной лестнице, преодолевая привычную силу тяжести. И грешники наши рухнут в прорву с ускорением 9,8 метров в секунду за секунду...

Итак, мы установили, что промысел Божий един для всех, вечен, непреоборим.

А почему тогда у нас бардак в формулах Веры, Надежды и Любви? — Счастья, в конце концов? Почему неодинаково внушены смертным законы Божьи? Что за классовая теология такая? Или законы нравственности менее важны, чем законы переливания из пустого в порожнее? Едва ли.

Почему нашей церкви до сих пор разрешено вообще пренебрегать Божьими законами мироустройства, науками, исследованиями

природы?

Почему теперь, когда мы изобрели под одеялом сотовую связь, космическую технику, воздушный и наземный транспорт, церковь притихла с анафемой и тихо примазалась к нашим безбожным достижениям? Деревенские попики нагло благовестят в неправославные мобильники прямо посреди службы и не каются!

А может быть, достижения наши — благословенны свыше, а церковь мы с Богом прокинули, как прокидывает молодой специалист научного руководителя, склонного к соавторству, и докладывает свое открытие прямо генеральному конструктору?

В общем, тут кроется какая-то лажа. Парадокс по-научному.

И парадокс этот четко раскладывается в логический трехчлен. Три члена таковы:

1. Бог и Природа;

2. Наука и Ученые;

3. Религия и Церковь.

Поскольку мы доказали, что втроем у них ничего не выходит, то с Божьей помощью выявим и ампутируем противоестественные члены нашего логического круга. Приступим, помолясь.

Исходное Предположение. Пусть мы с вами вовсе не ученые, а скудные на голову чада, наивные дети галактики. Поэтому ложность или истинность трехчленных схем оценить не в силах. Не по Сеньке шапка. Давайте ограничимся в наших исследованиях только констатацией непротиворечивых сочетаний, формированием естественных Систем. Итак:

Система 1. «Повелитель Блох»

1.1. Бог — есть! (имеется в наличии); Природа — Божья тварь, (его создание, произведение).

1.2. Наука — от Бога. Ученые творят, совершенствуют или калечат Мир под Божьим контролем, с его попущения или благословения. Ученые — главный инструмент Бога. Фактор времени в развитии человеческой цивилизации есть Божья блажь. Он ради научного интереса волынит. Мог бы мгновенно все устроить. Но наблюдает, как забавно мы копошимся. Бог — Гофмановский Повелитель Блох.

1.3. Церковь на обочине прогресса. Религия и церковь — посторонние конструкции, придуманные безответственными лириками и наглыми политиканами в пику Ученым.

Вывод 1. Церковь и религия — слабое, лишнее звено. Церковь — прибежище блаженных и убогих, неспособных выстроить собственную систему мировоззрения.

Система 2. «Природный мент»

2.1. Природа — объективна; Бог — есть. Но не Природа — от Бога, а Бог — порождение Природы. Бог рожден и приставлен Природой к нашим душам. Чтобы они, покалеченные Верой, Надеждой и Любовью, не мешали Ученым заниматься Наукой, Знанием. Бог — пристав Природы. Верховный мент полиции нравов. Поэтому Бог не уникален, разнолик; его лики зависят от ущербности этих нравов. Но Бог — есть. Он виртуален, как виртуален предмет его влияния — мораль.

2.2. Наука — объективна. К Богу не имеет никакого отношения. Занимается Великой Природой.

2.3. Церковь и религия — инструмент Бога-пристава. Его свисток, дубинка, смирительная рубашка, «комната с белым потолком».

Вывод 2. В Системе 2 все члены функциональны. Лишних звеньев нет.

Система 3. «Слуги Дьявола»

3.1. Бог — есть; Природа — Божья тварь, как в случае 1.

3.2. Наука — от Дьявола. Ученые — слуги Дьявола. Наука — попущение Господне, его временное поражение в борьбе с Дьяволом, упущенный божественный контроль над Природой.

3.3. Церковь — Дом Божий. Ее непротивление светской Науке — также есть поражение в битве с дьявольщиной последнего времени.

Вывод 3. Наука есть камень преткновения на пути прогресса вселенской нравственности. Наука — самое слабое звено — подлежит запрету, подавлению, уничтожению, нераспространению. МАГАТЭ — богоугодное заведение.

Система 4. «Академическая»

4.1. Бога (Богов) вообще нет. Все Боги — бабкины страшилки. Природа — объективна, естественна, но не вечна в смысле нашего выживания. Бог — порождение человеческого разума при столкновении с непостижимой Природой.

4.2. Наука — естественна и объективна. Она — инструмент Природы в ее самопознании. Ученые — любопытные дети Природы.

4.3. Церковь — пестрая обложка книги сказок, безобидная (в наше время и в нашей местности) театральная постановка, элемент этнографии и традиционной культуры, дань предкам.

Вывод 4. Церковь — лишнее, неполезное звено, религия — отвлекающая, претенциозная ветвь классической культуры. Типа требования: всем девочкам носить балетные пачки.

Вы можете и сами скомбинировать члены Системы по своему усмотрению. Не забывайте только об их противоречиях.

Вот, еще пример — совсем радикальный, голливудский.

Система 5. «Хакерская»

5.1. Бога нет. Природа непознаваема большинством населения. Она им вообще неверно ощущается.

5.2. Науки в общедоступном смысле не существует. Научные теории — игры больного разума отдельных субъектов. Истинная Наука — скрыта.

5.3. Церковь — есть тайный орден Ученых, выставивший несколько разновидностей религии в виде щитов, блокирующих массовое сознание. Именно за кулисами Церкви и творится истинная наука, оттуда приходят в Мир все достижения цивилизации.

Вывод 5. Мир — сплошная Матрица.

Прошу читающую публику отметить, что я не настаиваю ни на одной из предложенных Систем. Выбирайте сами. Лично мне — вне этой книги — наиболее симпатична Система 2, а физически приемлема — Система 4. А внутри книги — мне все равно. Я тут только цитирую, да перевожу старые тексты в нормальный телевизионный формат.

Глава 23
Это стрелочник виноват!

И вот, значит, приняли мы христианство более-менее окончательно. Стали ждать коренных перемен. Тем более, что на новом календаре уже прощелкали круглые даты — 1000 лет рождества Христова, 1000 лет Распятия его. Уж за 1000-то лет должна была христианская наука устаканиться, обрести методическую четкость, практическую полезность и доходчивый смысл.

Представим себе, что должен был делать на пороге второго «миллениума» «пастырь добрый», денно и нощно заботящийся о своих блудливых овцах. Тут и думать нечего, — должен пастырь исправлять овечью нравственность. Подчинить себе князей и царей — овчарок нашего стада, отбросить все лишнее, отказаться от роскоши, ограничить военные аппетиты, оставить распри и жениховские притязания, прекратить мирское расходование бюджета, — направить все силы и деньги на конституционное внедрение христианской морали.

Вы понимаете, о чем я говорю?

Князья и митрополиты должны были не просто церкви строить и попов размножать, не просто замаливать собственный грех, не просто выпрашивать у Бога личное теплое местечко подальше от заслуженных сковородок! А лично ходить в рубище, презирать золото и камни, запрещать расходы на церковное строительство и украшательство, сваливать все ресурсы в единый православный котел!

— Тебе холодно, бабушка? Иди, мы тебе тулупчик подберем малоношенный, — мы все в таких ходим!

— Тебе, пацан, жрать нечего? Иди поешь нашего черного хлебушка да кислого яблочка, — мы все их едим — загорелые, кислые мощи Христовы!

Вот это была бы пропаганда братства в государственных масштабах!

И еще мы бы инквизицию завели — хорошую, добрую инквизицию.

Она судила бы не за болтливый язык и оскорбление церковной благости, а за конкретное нарушение конкретного морального кодекса.

Довел старух твоей волости до мусорных контейнеров — ступай на плаху!

Довел малолеток до голодных грабежей — пожалуй на костер!

Но при таком правосудии виноватыми наверняка оказались бы вожди, стрелочники. Им это было неприятно, и они передернули стрелки налево.

И мы пошли другим путем.

Мы разделили Слово и Дело.

Мы отдали Слово в монопольное использование церкви, а дело поручили грешным царям.

Мы стали раз за разом оставлять без наказания преступления против нравственности, и карать неотвратимо — за покушение на казенный кошелек.

Проповедь христианская оторвалась от наземной морали превратилась в облачную ширму, которую предписывалось безгранично расширять и неустанно золотить.

В 11 веке продолжилось безудержное храмовое строительство по всем городам и весям. Церковный Историк просто захлебывается скороговоркой, перечисляя новые церкви и монастыри, цокает языком в восхищении от настенных росписей и золоченых куполов, мозаичных полов и иконостасов.

Мы понимаем его восторг, — кто из нас не цокал так же в Эрмитаже, Лувре, Русском музее? Но мораль тут при чем? Забота о страждущих где?

Где-то там, на паперти в престольный праздник...

Это, как сейчас — говорить о газовом могуществе России, о безразмерных валютных запасах и душить коммунальными платежами обворованных старух-пенсионерок.

Короче, поповская партия восторжествовала, воссияла куполами, озолотилась валютными ризами и строительными подрядами.

Но народ-то ждал и себе хоть чего-нибудь?

Ждете? Получите: обыкновенное Чудо. Его и в карман не положишь, и глазами не увидишь, а только услышишь в рассказах

церковных дикторов. Вот очередной набор чудес, случившихся келейно и исключительно во славу церкви.

Так называемую Великую церковь в Печерской Лавре строили и украшали греки. Когда один из мастеров принялся за мозаичный образ Пресвятой Богородицы в алтаре, кусочки мозаики вдруг выпрыгнули из коробок и, как «пазлы» улеглись на свои места, так что, образ Девы «сам собой вообразися»! Это сильно напоминает старый советский мультик про страну невыученных уроков. Там тоже буквы в домашних заданиях сами изображались.

Такое кино поразило не только мастера-живописца, но и кое-кого поважнее. Из-под новоявленной иконы вылетел голубь сизый, стал летать по церкви, шарахался от иконы к иконе, и, наконец, от ужаса сделался невидимым. По крайней мере, сбежавшиеся на крик художника монахи никого в церкви не обнаружили. Было объявлено о явлении Святого Духа. Киевляне поверили. Где еще было Духу являться, как не в главной княжеской церкви?!

Греки принесли на Русь свитки с образцами для рисования икон — утвержденные, канонические раскраски-переводнушки. Нас в детсаду по таким учили рисовать. Появился первый русский иконописец Алипий. Он, естественно, удостоился звания святого — как наш Церетели. Алипий нарисовал по заказу одного нового русского семь здоровенных икон для домашней церкви. Но благословения Господня на эту панораму не снизошло. А наоборот — «пал огнь небесный». Церковь запылала, сгорело все нажитое. Но иконы уцелели! Так, обуглились чуть-чуть по несущественным краям.

На вопль погорельца, что ж вы, мать вашу, там не небеси со спичками шалите в натуре! — сбежались сочувствующие. Стали разбирать пожарище — что плохо лежит, и наткнулись на уцелевшие произведения Алипия. Доложили Великому князю Владимиру Мономаху. Князь забрал огнеупорные образа к себе — до выяснения. Потом отослал одну икону — Пресвятой Богородицы — в новую каменную Ростовскую церковь. Чтобы и там чудесно было. Так и вышло.

Снова Богоматерь способствовала рождению Чуда. Каменная церковь внезапно рухнула, а Богоматерь под развалинами снова уцелела. Вот, дама! — ничем ее не возьмешь! — ни огнем, ни камнем, ни плотницкой плотью...

Ошарашенные ростовчане перенесли святой образ в деревянную церквушку по соседству. Надо ли сообщать, что церковь вспыхнула синим пламенем? И что Богоматерь даже дымом не поперхнулась?

О чудесном хет-трике заголосили по всей Руси. А мне думается, в этом случае нас снова надули — подменили причину следствием. Ведь не о чудесных приключениях нарисованной Девы надо вздыхать! Опасаться ее следует! Куда ни занеси картину — сразу — то пожар, то катаклизм! Нам такие социально-опасные чудеса ни к чему!

Отец Макарий перечисляет иконы, привезенные на Русь греками в первые годы православия. Среди них упоминаются даже такие, которые будто бы написал сам Апостол Лука. То есть, можно считать, что они строго подлинные, практически — портреты, нарисованные с натуры. Лука был врачом, он лично знал и, возможно, лечил Христа и Богоматерь, слышал рассказы Учителя о его небесном Отце. Более того, Лука был первым человеком, встретившим Спасителя после распятия на дороге в Еммаус. Как врач он не мог не оценить последствий Распятия для тела Христа. Так что, Лука был прекрасно знаком с анатомическими пропорциями своих портретируемых... — чуть не сказал «натурщиков».

Макарий рассказывает, где эти иконы ныне находятся. В недавнем 19 веке они почти все были целы. Правда, за последние 100 лет произошло много плохого, гораздо более разрушительного, чем сосновый огонь и обрушение куполов.

Тем не менее, несколько священных досок наверняка уцелели в пожарах, революциях, оккупациях. Опасная Богоматерь Алипия у Макария числится за Ростовским Успенским собором, а Богоматерь Луки — «Владимирская» — за Успенским собором Московского Кремля. Я очень был обеспокоен сохранностью этих замечательных зданий. Как-то несколько лет назад, сидя на лавочке в Успенском-Кремлевском соборе, разговорился со смотрительницей храма-музея.

— Ну, как у вас тут? — спросил я.

— А что? Ничего, нормально, зарплату не задерживают.

— А с пожарной безопасностью как?

— Все в порядке, — насторожилась ученая дама, — а вы почему спрашиваете? — Она покосилась на мои руки, где, впрочем, находился обычный музейный билет, а не красная книжка.

— Ну, это же отсюда по рассказам патриарха Никона ударил в Кремлевский дворец огненный луч?

— Отсюда! — расслабленно засмеялась женщина, — вон там, над склепом митрополита Ионы стоял Никон, а призраки других святых уговаривали его вернуться на патриарший престол. Отсюда они грозили огнем царю Алексею Михайловичу.

— И Пресвятая Владимирская Богородица вместе с ними? Кстати, где она?

— Пока в Третьяковке. Но, может, ее Патриарх все-таки выпросит у Президента...

В Третьяковке оказалась и Богоматерь Алипия. Так что, по уровню пожароопасности хранилище живописных шедевров теперь самое напряженное место в России...

В новейшие времена Владимирская Богноматерь содействовала военным победам, а сейчас и вовсе — дошла до каждого желающего. Ювелирторг распространяет в Интернете такую занятную рекламу:

«Мужская подвеска в виде копии иконы Владимирской Богоматери выполнена из розового, желтого и белого золота 585 пробы. Надпись на окладе «Пресвятая Богородица, спаси нас». Средний вес ювелирного изделия составляет 5,3 грамма. Высота изделия (вместе с ушком) равна 40 мм. Товарный знак «OLIN» (Россия)». Там же обозначена цена — 121 у.е. И там же приведен знакомый евангельский курс — по 30 сребренников за уй.

Вот, оказывается, почему этот курс продержался так долго — он попал в свой новозаветный размер!

Но все-таки, мужики, будьте осторожны с этой «мужской подвеской»! А то как рухнут с неба белокаменные кирпичи, или вспыхнет пожар Московский — только Богоматерь и уцелеет!..

Древние русские иконы устойчивы не только к огню и камнепадам. Они и с водной стихией справляются неплохо. В правление Всеволода I Киевского случилось Чудо на празднике мучеников Бориса и Глеба. Народ в этот день бросил работать, и с семьями, приодевшись, двинул из Киева в Вышгород — к мавзолею убиенных братьев. Одному обеспеченному парню было вломы пыль месить за двадцать верст. Так он уселся с женой и младенцем в лодку и дал команду править против течения.

Праздник отгуляли нормально, но на обратной дороге жена киевлянина задремала и уронила младенца за борт. Он камнем пошел на дно. Уж и ныряли, и кричали, и молились святому Николе, да все без толку. «Огорченные родители» вернулись домой.

В ту же ночь, перед заутренней пономари киевского Софийского собора пришли готовить храм к службе и услышали писк из-под иконы святого Николы. Там обнаружился мокрый младенец. О подкидыше доложили митрополиту, который велел учинить всенародный розыск.

Пришли осмотреть младенца и «огорченные родители». Они его, конечно, сразу опознали и забрали восвояси. А икону св. Николая с тех пор стали называть Николой Мокрым. Во времена Макария она еще висела в особом притворе на хорах киевского Софийского собора. Хотя, лучше бы ей находиться на пляже — у спасателей.

Глава 24
Пик крутизны

Обычай собирать мощи — части мертвых тел — в 11 веке широко распространился по Руси. Видимо, что-то завораживающее было в созерцании расчлененного мертвого тела, сопротивляющегося разложению. Нам как бы предъявляли доказательства нетленности праведников.

Греческие строители Великой церкви, прочих храмов и монастырей обычно привозили с собой набор мощей. Эти головы, руки, кости священномучеников, казненных властями или иноверцами строители закладывали в фундаменты сооружений — как сейчас закладывают монеты.

Здесь возникла еще одна традиция, хотя можно ли называть традицией привычку олигарха? Типа: «маленький Федя привык посещать новогодние утренники в Кремле»...

Я надеюсь, вы оцените крутизну этой «традиции». Это просто писк, вопль экстаза! На фоне этого кайфа владельцы Мерседесов и БМВ сливаются в серую массу с обладателями инвалидных колясок; носители яиц Фаберже и покупатели футбольных клубов — неразличимы в толпе торговок бронзовой бижутерией и китайскими тапочками.

Ну, я вас достаточно подготовил к восприятию Чуда?

Итак: крепкие киевские обыватели повадились оборудовать прямо в своих подворьях храмы имени собственных святых. Нарекли тебя при крещении Сонькой, — подкатывай к мужу, чтоб строил храм Софии, и дело с концом!

Но это еще не то Чудо, которое я обещал. Собственный храм или часовенку отгрохать может каждый дурак. А вот наполнить богоугодное строение на зависть надменному соседу — это отдельная наука!

Самые Крутые киевляне — великие князья и княгини — стали выписывать из святых мест мощи «своих ангелов»! Это как если бы я,

например, проплатил доставку из Троицкой Лавры костей Сергия Радонежского и держал их в буфете среди винной коллекции для показа гостям. Так княгиня киевская Варвара, жена князя Святополка и дочь греческого императора Алексея Комнина, поехавши в гости на родину, прикупила там мощи своего «ангела» — святой великомученницы Варвары. Представляете технику сделки? Приезжает в Царьград наша Варя, к ней подскакивает пронырливый грек, похожий на жучка с валютного пятачка.

— Купите, мамаша, ангельские мощи, — и сует список: имена по алфавиту, состав набора, происхождение товара, цена, срок доставки.

Варвара Алексеевна находит свою строчку, вяло торгуется, щедро платит. Пока товар где-то роют, — заказывает шкатулку в оговоренный размер, украшает ее бисером и бирюльками, молится и крестится непрестанно. Что уж там греки реально завернули — неизвестно, но шкатулка приплывает в Киев и торжественно размещается в свежесрубленном храме имени — сами понимаете — священномученницы Варвары...

Вот это — круто! А вы — Фаберже! Мерседес!...

К счастью, обычай добычи ангельских мощей пресекся суматохой татарского ига, а то сейчас у нас бы ни один священномученник костей не собрал. Я думаю, наши Лехи и Коляны с их Таньками и Маньками, Настями и Ольками хрен допустили бы семью Николая II упокоиться в Петропавловском соборе...

Но бдительность терять рано. Опасный обычай может возродиться в любой момент!

Я не очень беспокоюсь за мощи Владимира Красное Солнце: Владимир — имя неправославное, и князь в крещении был Василием. Ни одного Василия в князьях и царях не замечено. Хотя, конечно, неизвестно, под каким ангелом тайно крестятся наши Владимиры...

Зато я сильно переживаю за кости Бориса и Глеба. Вот, бывший наш Борис Николаич зачем-то и внука назвал Глебом. Беспокойно как-то за убиенных святых!..

В конце 12 главы мы оставили мощи св. Бориса и Глеба в покое — в Вышгородской церкви. К 1072 году она обветшала совершенно. Князь Изяслав, уже 4 года страдающий от половецких набегов, решил обновить обитель страстотерпцев. Новую деревянную церковь срубили в два счета. На перенесение мощей съехался весь киевский бомонд.

Провинциальные Рюриковичи тоже собрались из дальних княжеств. 1 мая митрополит Георгий освятил новостройку, а 2 мая состоялся перенос мощей. Сначала вскрыли деревянную раку Бориса, и оттуда распространилось «чудное благоухание». Ожидался аромат морга, и народ заранее блокировал носы. А вот, поди ж ты! Пахнет «Рижской сиренью«! Участники мероприятия стали наперебой прославлять Бога, а высший наш иерарх — митрополит Георгий — рухнул на землю в ужасе. Он, оказывается, «не твердо верил в святость святых угодников»! Это — как если бы начальник Генштаба не верил в непобедимость Советской Армии или полководческий гений товарища Сталина. Где б он оказался?

А митрополит Георгий даже в отставку не подал, замолил профнепригодность, не сходя с места.

Теперь уже с трепетом стали транспортировать Глеба. Он лежал в каменном саркофаге, и его повезли на колеснице. Ждали аналогичного чуда — хоть самого пустякового. Чудо не заставило ждать. Каменный гроб застрял в дверях. Это у нас, русских часто случается. Вроде двери меряешь точно, а рояль не влазит...

Дергали и вперед, и назад, — ничего не выходило и не проходило. Тогда задние толкачи обернулись к народу и строго приказали взывать: «Господи, помилуй». Народ завопил чистосердечно, и рака со скрежетом протиснулась в храм. Слава те, Господи! — не случилось национального позора. Вот бы ржали католики: Бог не пустил русского святого в дом Свой!..

Мне кажется, в этом Чуде есть особый смысл. Штатные историки его почему-то не замечают. Тут вот какая астральная связка наблюдается.

Бориса и Глеба прикончил, как известно, их старший брат Святополк Окаянный. Убийство случилось на условном пороге вхождения во власть. Ибо, пожалей Окаянный братьев, править стал бы Борис — старший из двух «законных» детей Владимира Красно Солнышко, рожденных в единственном его православном браке.

У этого убийства есть историческая копия, подкладка.

Вот точно так же, на пороге властного терема отец Бориса и Глеба укокошил своего брата Ярополка. Его тоже тормознули в дверях, и пара стражников проколола князя копьями.

Так что, гроб Глеба зажал в дверях отнюдь не Бог, и не Дух Святой, а дух убиенного Ярополка. Или злопамятная тень Окаянного...

Тем временем, в новой церкви разгулялись вовсю. Человеку, не знакомому с тонкостями православия, храмовое действо показалось бы шабашем в стиле Босха. Митрополит Георгий пригласил присутствующих к открытому гробу Бориса, и все стали целовать череп. Дальше — больше. Из раки Глеба извлекли ссохшуюся руку. Митрополит расцеловал ее, приложил к глазам, истраченным в чтении книг, к сердцу, страдающему от возраста. По лицу митрополита начальники поняли: помогает! Тут великий князь Святослав подошел к первосвященнику и попросил приложить чудодейственную плоть к его боевым ранам — на шее и темени. Также на всякий случай пролечили и глаза. Во время процедуры один ноготь с руки выпал в волосы князя. Князь прихватил его с собой — «на благословение». Типа, чтоб лечиться, не покидая дворца. Митрополит стал крестить народ оторванной рукой. Люди присели в экстазе: это же как круто! — тебя осеняет десница натурального святого!

Переносить мощи святых братьев захотелось и наследникам Святослава. Он и сам был непрочь еще раз провернуть священнодейство. Для этого заложили новый каменный храм, но Святослав скончался в 1076 году. Его брат Всеволод достроил церковь и совсем уж приготовился к перезахоронению, как в ночь после сдачи объекта купол и крыша рухнули внутрь, а стены отвалились наружу. В 1110 году князь черниговский Олег Святославич воссоздал храм из обломков и стал умолять великого князя Киевского Святополка II Изяславича о перенесении тел. Святополк ревниво уперся — не я там строил! В 1115 году Владимир Мономах решил-таки устроить перезахоронение. Снова 1 мая, в субботу все собрались в Вышгороде — народу было «бессчетно». Освятили новый храм. 2 мая гроб Бориса установили на повозку, которую тянули и толкали чистокровные Рюриковичи. Вид запряженных властителей привел толпу в восторг. Народ забил улицы и дороги. Процессия замерла в первой русской пробке. Тогда Мономах велел разбрасывать ткани, серебро и меха в сторону от трассы. Народ кинулся в кучу-малу. Путь был свободен. Так бы ГАИшники баксы раскидывали на подъездах к Садовому кольцу!..

Народ окончательно возлюбил Бориса, Глеба и Мономаха. «Не было почти никого, кто бы не плакал от духовной радости».

Тут возникла свара. Мономах хотел хоть какого-то авторства в созидании мавзолея и предложил поставить гробы в центре зала. Обещал накрыть их серебряным теремом из собственных денег. Но Олег Черниговский уперся: по его проекту в правом притворе уже были готовы своды — каморы. Спор начал переходить в краску лица, пришлось духовенству разнимать «братьев». Был предложен не вполне православный выход — жребий. Бросание жребия, как известно, — дело грешное, азартное, и церковью не поощряется. Тем не менее, жребий был брошен и выпал в пользу Олега Черниговского. Великий князь отступил угрюмо.

Мономах имел право обижаться, — он делу украшения мощей был не чужд. Еще до киевского престола Владимир как-то ночью пробрался в Вышгородскую церковь и снял размеры с каменных рак. Потом заказал серебряные позолоченные доски и втихаря оковал ими раки. То-то народ на утро возбудился! Трезвые вопили «Чудо!», пьяные просто валялись в умилении.

Вот и теперь Владимир повторил свой труд. Каморы были окованы златом-серебром и обставлены хрустальными подсвечниками. Все вокруг густо облепили золотом, — так что, даже византийские приезжие охали: «Такого украшения рак мы нигде не видели!».

Хочу попутно сделать еще одно научное предположение. Не занятно ли, что двукратный перенос Страстотерпцев 1-2 мая, хоть и по старому стилю, но «по имени» совпадает с нашим праздником весны, воистину благоухающим «Рижской сиренью»?

Вы скажете, — глупость? Тогда я достаю из колоды червовую девятку, и с криком: «Козырь — черви!», — бью вашу скептическую масть. Ведь именно 9 мая старого стиля в России празднуют еще один «мощный» праздник — День перенесения св. Николая Мирликийского (он же — св. Николай Угодник, он же — Санта Клаус) из поверженных турками Мир Ликийских в непокоренный город Бар. Вот вам и День Победы — со слезами на глазах, но с новогодними подарками! А вы говорите, Бога нет! Следите внимательней за совпадениями дат!

Или вот еще научный парадокс. По пятницам и средам у нас, как известно, легкие посты. То есть, можно тихо вкушать, но не жрать самозабвенно. И вдруг на среду или пятницу выпадает один из праздников в честь Богородицы или самого Господа. Какова должна быть реакция обитателей нашей православной казармы? Это же типа,

начальство прибывает с проверкой внутреннего распорядка. Тут мы должны усилить посты — отказаться не только от молока и водки, но и от ставриды на постном масле. Но нет! Происходит наоборот. «Посты снимаются» именно приказом по церкви! Хотя, по-человечески это правильно, — как не выпить во славу Господа и Матери Его?! Но с другой стороны, министр обороны входит в казарму, а у вас бардак, койки не заправлены, под одеялами — поверженные женские тела, окурки дымятся лампадными струйками. Непорядок. В мою голову эта головоломка не вмещается. Так что, вы уж сами исследуйте, где тут истина...

Глава эта называется Пик Крутизны...

Действительно, персональный ангел в подарочной упаковке — куда уж круче?! Но нет! Это пик относительный. Чуть позже — лет через 500 нашей хроники я вам представлю вариант истинной, окончательной крутизны, — только бы не забыть!..